

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 1

Василий Звягинцев
Скорпион в янтаре.
Том 1. Инвариант
Серия «Одиссей покидает
Итаку», книга 14

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158696
Скорпион в янтаре. Том 1: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23633-6*

Аннотация

Александр Шульгин – мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры – еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям – на грани фола, в отрыве от друзей, – позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затевает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке – совершенно необходимо...

Содержание

Книга первая	4
Глава первая	5
Глава вторая	54
Глава третья	83
Глава четвертая	101
Глава пятая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Василий Звягинцев

Скорпион в янтаре. Том 1

Книга первая

Инвариант¹

Скорпион — целеустремленный, темпераментный, независимый, с развитой интуицией, способный проникать в суть любого явления, твердый, терпеливый, решительный, склонный к мистике.

Упрямый в достижении личных целей, своевольный, мстительный, скрытный.

Из гороскопа

*Застрясть во времени своем,
как муха в янтаре,
и выждать в нем иных времен —
получше, поясней?
Быть человеком из толпы,
таким, как вся толпа,
и видеть, как ее столпы
мир ставят на попа?*

¹ Инвариант — неизменность какой-то математической величины по отношению к производимым с ней преобразованиям. В технических системах — независимость параметров системы от изменения других ее параметров или приложенных к ней внешних воздействий.

*А может, выйти из рядов
и так, из ряду вон,
не шум огромных городов,
а звезд услышать звон?*
Борис Слуцкий

Глава первая

За окнами не только этой великолепной, расположенной в самом центре Москвы, квартиры, за всеми окнами столичного города продолжалась морозная, вьюжная ночь конца января тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Такая же точно, как прошлая, как все другие ночи, что случались здесь всеми январями, сколько их наберется в писаной и неписаной истории. Наверное, те же самые ветры свистели и завывали над теремом князя Юрия Долгорукого, писавшего в тысяча сто сорок седьмом году своему сродственнику: «Приезжай ко мне, брате, на Москов. Дам тебе обед силен!» Принято считать, что дал, только меню не сохранилось.

Отличался нынешний январь от всех прошлых, пожалуй, тем, что был он пострашнее, чем любой другой, включая времена Батыева нашествия. В тринадцатом веке возможность быть ограбленным или убитым входила в норму жизни; радости, конечно, не вызывала, но и вгоняющего в беспросветную депрессию ужаса – тоже. У каждого мужика имелись топор, рогатина, засапожный нож, у князя, самого затрапезно-

го, пусть небольшая, но дружина. Оборониться было чем и чаще всего удавалось.

В году же по Рождеству Христову тысяча девятьсот тридцать восьмом случилось совершенно иначе. Каждый человек великой Страны Советов внезапно узнал (догадывался-то и раньше), что отныне над жизнью он своей не властен даже в тех ограниченных пределах, что гарантировала «Конституция победившего социализма». В любой момент по доносу соседа, за неудачно сказанное слово, за анекдот, за принадлежность к давно упраздненным «эксплуататорским классам» или просто так, случайно попав в список, можешь пойти без суда и следствия на высылку, в лагерь, под расстрел. Самое же обидное – никто не заступится, не «возвысит голос», чаще – даже не удивится. Забрали и забрали, хорошо, что не меня...

Уходили бесследно в дальневосточные лагеря или на «десять лет без права переписки» заслуженные полководцы Гражданской, соратники Владимира Ильича, члены Политбюро, наркомы, простые инженеры, комбриги и полковники, слесари, бухгалтеры, колхозники из глухих, забытых даже райисполкомом, но не отделом НКВД деревень. Для приведения системы всеподавляющего страха в окончательную, законченную, самодостаточную форму пролетарское государство победившего социализма приняло закон о применении смертной казни к гражданам начиная с двенадцатилетнего возраста. Такого, кажется, не было в Европе со времен

мрачного Средневековья.

Однако нашелся в числе особо ответственных товарищей один, отчего-то не захотевший идти в тюрьму и под расстрел, когда имеется возможность к сопротивлению и формально разрешенной самообороне. Нарком оборонной промышленности Григорий Петрович Шестаков. Группа сотрудников спецотдела ГУГБ² не сумела положенным образом задержать и доставить по назначению обреченного на заклятие деятеля. Все вышло несколько иначе.

Оставив у себя в квартире тела не пригодных к дальнейшему несению службы чекистов, Шестаков целую неделю скрывался от властей, бросивших на его поиски всю мощь государственного аппарата, пока наконец с помощью ближайшего помощника товарища Сталина не был разыскан, доставлен на прием к вождю, прощен и обласкан.

Заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б), Валентин Валентинович Лихарев, удовлетворенный проделанной работой, оставил недавно опального и вдруг вознесенного на горние вершины наркома Шестакова отдыхать и набираться сил в своей квартире в Столешниковом переулке, а сам решил немного развеяться в «злачных местах» столицы. Которых и тогда для «знающих людей» хватало.³

² Главное управление государственной безопасности наркомата внутренних дел СССР.

³ См. роман «Бои местного значения».

...Валентин возвратился домой, как и полагалось после хорошей гулянки, часов около семи утра. Затемно еще. Мог бы и позже, однако сказывались многолетняя привычка и номенклатурный опыт – не оставаться ночевать в чужих квартирах, чьи бы они ни были. Мало ли что может случиться, когда ты *выпал* в иные измерения? Любой (любая в особенности) агент НКВД, иностранных разведок, соперник из инопланетных спецслужб, да просто умеющий втираться в доверие уголовник возьмут тебя голыми руками.

Поэтому спать нужно только дома и уходить из гостей в легком подпитии, но трезвым, веселым, хорошо и правильно все замотивировавши. Тогда даже в чисто земном раскладе останешься в выигрыше. Перед женщиной, перед друзьями, особенно – перед недоброжелателями.

Уже на пороге квартиры Валентин испытал странное беспокойство. Ему показалось, что за время его отсутствия здесь случилось нечто нехорошее, неправильное. А что же именно? Не был он охотничьей собакой, способной уловить молекулу пахучего вещества, принадлежащего чужим людям или животным, однако именно такое ощущение возникло, едва он переступил грань двух миров, разделенных массивной, обитой кожей, пуле – и времянепроницаемой дверью. Впрочем, натуральная тисненная кожа – это уже за временным порогом, а в обычной жизни – дешевый, местами облезший до хлопковой основы дерматин стандартной коммуналки. В советской действительности кожа, нагло выставленная

напоказ, или наводит проходящих мимо граждан на ненужные ассоциации, или ее просто срезают бритвой, на перчатки, например, или на сапоги.

Он торопливо, не раздеваясь, пересек прихожую, длинный коридор, гостиную, толкнул дверь кабинета, где оставил Шестакова-Шульгина. Нарком спал глубоким сном ничем не озабоченного человека, лежа на спине, забросив левую руку за изголовье, тихо похрапывая.

«Вот же нервы», – мельком отметил Лихарев, словно бы даже позавидовав. В человеческом, разумеется, смысле, потому что в своем ему завидовать было нечему. Он в любой момент умел отключаться от текущей реальности гораздо легче, чем актер эпизода от своей крошечной роли.

На журнальном столике рядом с наркомом лежал взведенный пистолет, поблескивала бутылка коньяка, опустошенная на две трети, стакан с остывшим чаем, целая горка окурков в хрустальной пепельнице. На коврик корешком вверх валялась упавшая из ослабевших рук книга.

«Какая?» – заинтересовался Лихарев. Тут ведь, в их работе, любой штришок может иметь значение. Взглянул на фиолетовый переплет. «Приключения авантюриста Феликса Круля». Ничего особенного. Легкое чтение. Хотя и не рядовое, мысли всякие навеивает. Ухитрился Григорий Петрович отыскать на полках именно ее. Или не он, а Шульгин. Тому такая литература больше по характеру.

Ну да ладно. Все нормально. Клиент спит, в квартиру ни-

кто не входил, дверь межвременных переходов не зафиксировала. Теперь часиков шесть самому поспать, и можно отправляться на службу. Забот сегодня будет достаточно. С Поскребышевым план текущей работы согласовать, обычный, по сектору, не учитывающий *отдельной деятельности*. Выяснить, как складывается обстановка в верхах НКВД вообще и ГУГБ – само собой. По мере сил подстраховать Заковского – мало ли что с ним может случиться в эти смутные, *переломные* дни. Вдруг, как Камо в свое время, под грузовик попадет или, как Савинков, в окно следовательского кабинета выпадет.

И с Буданцевым что делать, тоже подумать стоит. Большие на сыщика надежды возлагал Валентин, успел убедиться в его человеческих и деловых качествах. Холмс не Холмс, а по нынешним временам фигура крайне неординарная, штучная, можно сказать. И использовать его на административной должности, как сгоряча вообразилось, – глупо. Хоть бы и начальником МУРа. Текучка заест, и врагов тут же обозначится немерено. Если не сожрут в первые же дни, так работать по профилю не дадут точно. Так что Ивана Афанасьевича мы иначе задействуем...

Лихарев вернулся в прихожую, разделся, прошел на кухню, по старому домостроительному обычаю упрятанную в таких глубинах, что обычный гость разве что случайно забредет. В те времена, когда строился дом, архитекторы отнюдь не рассчитывали, что кухня лет через сто, в советские

шестидесятые годы, станет центром общения интеллигенции. А почему, кстати, стала? В однокомнатных хрущевках – понятно, но и в настоящих, просторных «сталинских» квартирах грудились там же. Какой-то муравьиный синдром. Или думали, что глупые чекисты подслушки ставят исключительно в гостиных и спальнях, а до кухни у них мозги и руки не доходят?

Валентин собрался приготовить чаю, от мысли о кофе его едва не тошнило, столько он его выпил, чтобы соответствовать той компании, в которой провел ночь. Ни в чем русские творческие люди меры не знают. Пролетарии кофе не пьют, значит, мы будем, до сердечных спазмов и рези в желудке.

А вот настоящий зеленый чай, да по японской традиции заваренный, – самое то.

Лихарев взбил бамбуковой кисточкой пену в глиняном чайнике, аккуратно перелил в чашку, сделал первый глоток и вдруг вскочил.

Дошло до него!

Запах, запах, тот самый, что ощутил, входя в квартиру! Нездешний запах, словно бы тонких мужских духов. Отнюдь не «Шипра», не «Тройного». Иностранные гости навестили? Из Англии, от леди Спенсер? Кто еще смог бы сюда проникнуть, минуя дверь? И – еще один штрих, сразу не воспринятый, но отложившийся в сознании. Проявившийся только сейчас.

Он, ступая очень тихо, едва ли не на цыпочках, вернулся

к входной двери.

Вот оно! Под вешалкой стояли дорогие, штучной работы шевровые сапоги Шестакова. В таких ходили только самые ответственные из ответственных работников. В царское время они назывались «timoфеевские» – был такой мастер, что обувал царскую семью, высших сановников и богатейших гвардейских офицеров. Сто рублей пара стоила, в то время как массового пошива, из того же материала, – три!

Валентин увидел, что подошвы этих сапог испачканы свежей, черной, сыроватой землей. Да еще и травинка к каблуку левого прилипла. Живая, сочная травинка. Откуда такое – в зимней Москве?

Даже в Кремле, если бы невзначай оступился нарком, выходя с «крылечка», газоны были покрыты полуметровым слоем снега. А дальше только машина, тротуар перед домом – и все. Нигде больше они не были с Григорием Петровичем. Загадка? Еще бы!

Валентин не в такой мере был человеком, чтобы его прошиб холодный пот, но тем не менее душевного спокойствия он лишился напрочь. Еще покрутил в руках сапог, осторожно, как взведенную мину, поставил на место, вернулся на кухню.

Подкидывает жизнь варианты. Только что избавился от некоторых, нате вам новенький.

...Валентин Лихарев не зря был очень высокого мнения о

себе. Он считал, что как экземпляр профессионального координатора стоит на более высокой ступеньке эволюции, чем прочие работающие на Земле. Ведь его создали и воспитали на сотню лет позже, чем ту же леди Спенсер, и при подготовке наверняка использовали уже накопленный опыт функционирования подобных «псевдохомо». И роль ему предназначалась более серьезная, чем Сильвии. Личный друг полноправного Самодержца – это не в пример значительнее, чем приятельница принцев царствующего, но не правящего дома, всяких там пэров и министров то и дело сменяющихся кабинетов.

А что ранг в аггрианской иерархии у нее гораздо выше – это лишь упущение тех, кто его сюда направил. Рано или поздно оно будет исправлено, Лихарев был уверен в этом. Не зря же, вопреки обычаям, его все же повысили в звании, и леди Спенсер сама заменила в его Шаре системный блок на гораздо более мощный. Не исключено, что карьерный рост продолжится по мере возрастания веса Советской России в мировых делах. Тем более что Сильвия в деле Шульгина-Шестакова продемонстрировала отнюдь не лучшие деловые качества.

Антон напрасно считал, что имеет возможность надежно заблокировать все установленные в квартире следящие системы. Возможно, ему внушил эту уверенность один из Игроков, которому захотелось обострить столь неожиданно возникший эпизод с тридцать восьмым годом, матрицей и

кольцевым парадоксом «письма к самой себе».

На самом деле Лихарев сумел записать почти все переговоры, которые вели и Сильвия, и Антон с Шульгиным. Единственное, что осталось ему неизвестным, – это замысел Александра сохранить свою матрицу в личности наркома. Тоже скорее всего по воле Игроков. Иначе терялась всякая интрига.

Зато Валентин теперь знал, что дорога на Таорэру ему открыта, ранг позволяет. Пойдет и встретится там с кем-то из высшего руководства, а заодно и с Шульгиным, когда его переправят туда Сильвия или же не проходивший ранее ни по каким учетам агент противника Антон. Кто успеет. «Настоящего» Шульгина увидеть прежде других даже предпочтительнее. Обговорить с ним условия дальнейшего сотрудничества, а уже потом выходить на Дайяну или кого-нибудь еще сопоставимого ранга.⁴

А теперь выходит, что Шестаков уже «пустой»? Валентин испытал чисто человеческое чувство обиды, что Шульгин его так нагло обманул. Пообещал дождаться, обсудить дальнейшие, связанные с использованием наркома планы, еще раз сходить к Сталину для закрепления достигнутого успеха, а уже потом... И вдруг – сбежал сразу, не оставив хотя

⁴ Подробный отчет об этих событиях Лихарев изложил в своей «тетради», которая затем попала к членам «Андреевского братства», откуда и они узнали о произошедшем (см. роман «Хлопок одной ладонью»).

бы записочки.

Благородные люди так не поступают.

Но его еще можно догнать. Шар сохранил координатную привязку времени и направления внепространственного перемещения. Новые возможности позволяли Лихареву, рассчитав параметры перехода, прибыть на Таорэру не позже чем через пять минут после Шульгина. Вряд ли за этот срок его успеют переправить обратно на Землю, но уже в другую реальность.

Все же Валентину был не совсем понятен механизм задуманного форзейлем обмена разумов. С аггрианскими технологиями он не имел ничего общего. Если леди Спенсер посадила матрицу Шульгина в тело наркома в виде волнового пакета, то Антон зачем-то отправил Шестакова через канал физически, это подтверждалось и зафиксированным Шаром количеством перемещенной массы, и тем самым «штрихом мастера», с травинкой (придуманным Сашкой на этот именно случай).

Или же отсюда, с напичканной всевозможной техникой базовой точки, переместить матрицу в неповрежденном виде было невозможно? Сразу и через пространство, и через границы довольно далеко разнесенных реальностей? Лихарев понимал: не его это уровень компетенции. Но раз сделано именно так, значит, способ кем-то сочтен оптимальным. Предположим, что туда же, на Таорэру-Валгаллу, одновременно из двадцатых годов было перенесено собственное те-

ло Шульгина и обмен состоялся именно там, непосредственный, «из мозга в мозг», после чего организмы возвратились «по принадлежности».

Александр Иванович – в свое основное время, Шестаков – обратно в квартиру Лихарева.

Валентин знал, что по его положению самостоятельно являться на главную базу – то же, что провинциальному партработнику, минуя местное руководство, приехать в Москву, в Центральный Комитет, с жалобой или доносом. Может повезти, если ткнешься в нужную дверь, но скорее – голову открутят, сразу или спустив задачу по инстанциям.

Но он же не собирался сразу к начальству, он сначала хотел Шульгина перехватить. А если не выйдет, так можно «потихому» вернуться, в случае чего объяснив свою инициативу искренним желанием следовать не букве, а духу задания.

Лихарев понятия не имел, куда именно попадет на далекой планете, которую по-настоящему так и не видел в годы «учебы», он просто шел по следу, как ищейка по запаху. Само собой, ничего не знал о событиях, происшедших здесь почти через полвека, о постройке земного форта и обо всем прочем. О штурме землянами Базы и взрыве информационной бомбы, обрубившей связь между Метрополией и Таорэрой нулевой зоны, вообще свернувшей доступную агграм Главную реальность в подобие пергаментного свитка. О нескольких встречах Новикова и Шульгина с Верховной координаторшей Дайяной, которые происходили практиче-

ски в одно и то же время и в том же месте, независимо от того, попадали земляне сюда своей волей или «случайно», из восьмьдесят четвертого, тридцать восьмого и двадцать первого года.

С точки зрения знатока математики Левашова здесь имела место «закольцованная дурная бесконечность» плюс создающая сильные волновые помехи близкая зона вырожденного времени.

Лихарев проскользнул тоннелем, который при внешней длине под пятьдесят парсек изнутри был не больше переходного тамбура обычной электрички. Войти и выйти. Из сумрачной зимней квартиры на солнечную, но продуваемую знобким осенним ветром поляну напротив высокого деревянного терема. Видно, что не так давно он был основательно поврежден, одно его крыло носило следы не слишком тщательного ремонта. Бревенчатая, в стиле древнерусской оборонной архитектуры ограда, в нескольких местах проломленная, как бы не стенобитными орудиями, заделана на скорую руку рогатками из плохо ошкуренных бревен, щедро обмотанных колючей проволокой.

Валентин, сделав несколько шагов по направлению к дому, остановился, не зная, как поступить дальше. Дом явно человеческой постройки и, значит, должен иметь отношение к Шульгину и его друзьям. Таорэрские корпуса учебно-тренировочного лагеря для будущих земных координаторов выглядели не в пример солиднее, относились по стилю к инду-

стриальной эпохе, а не позднему Средневековью, да и располагались на много сотен километров южнее.

Однако само место ему понравилось. Не только терем, гармонично вписанный в окружающий пейзаж, будто совместно потрудились Шишкин и Билибин, а и разлитая в пространстве аура покоя и умиротворенности. «Благорастворение воздухов», если вспомнить язык XVIII века.

Некоторым диссонансом выглядела брошенная ближе к краю поляны, тронутая ржавчиной угловатая коробка гусеничной машины неизвестной конструкции, несколько черно-рыжих лишаев на дернине, чересчур похожих на следы гранатных разрывов. Или плевков огнемета.

И здесь, значит, воевали. Кто с кем? Если бы этим помещением занялись аггры с Главной базы, тут бы, кроме пепла, ничего не осталось. Нападение аборигенов? Кое-что о них Лихарев слышал, но, кажется, агрессивностью они не отличались и до столь высоких широт не добирались. Но сейчас не это важно.

Валентин машинально коснулся ладонью маузерной коробки на левом боку. С «маузерами» в Советской державе ходили только заслуженные участники Гражданской войны или такие, как он, «особо доверенные лица». Орден не орден, а все-таки знак отличия, признания заслуг. И сюда он явился в своей форме военинженера, с пистолетом. Хоть ты какой «координатор», а жизнь в СССР приучила, что личное оружие если не всегда поможет реально, то шансы все-таки

повысит.

До ворот усадьбы оставалось метров двадцать, как вдруг из-за них поднялся многоголосый собачий лай низких и угрожающих регистров. Обитаемое, значит, место. Собак, в случае чего, можно успокоить волевым посылом, если только они не имеют специальной защиты. Да откуда? И Лихарев продолжал идти ровным неторопливым шагом, ожидая, пока появится кто-нибудь более высокоразвитый.

Он немедленно и появился, растворил калитку. Мужчина тридцати с небольшим лет, несколько выше среднего роста, располагающей наружности. Так и хотелось назвать его «господином», пусть и не в ходу теперь был этот термин. В спортивном костюме начала двадцатых годов, то есть брюках-гольф с застёжками под коленями, шерстяных клетчатых гетрах, коричневых ботинках-бульдо на толстой каучуковой подошве. Твидовый пиджак с накладными карманами просто наброшен на плечи. В опущенной левой руке «винчестер», короткий, но впечатляющего калибра.

«Успел, слава тебе, господи», – подумал Лихарев, потому что никем иным, кроме как А.И. Шульгиным в своем «естественном» облике (из тех самых двадцатых годов), этот человек просто не мог оказаться.

С другой стороны, он мог быть кем угодно, вплоть до самой Верховной, мадам Дайяны, которая, как слышал Валентин еще в «интернате», умела принимать любой облик. Только вот земное оружие ей ни к чему. Не по должности.

Исходя из первого предположения, он дружелюбно помахал рукой.

– Примете, Александр Иванович?

– Догнал все-таки? – широко улыбнулся мужчина, тем самым подтверждая свою идентичность. – Приму, конечно. Это в твоё уже время какой-нибудь Лебедев-Кумач сочинил песню: «За столом никто у нас не лишний...»?

– В моё, в моё. «По заслугам каждый награжден...» Вместе с Дунаевским...

– Тебе виднее. Заходи.

Он цыкнул на собак и провел гостя по мощенной дубовыми плахами дорожке на крыльцо.

– Не пойму только, зачем я тебе так потребовался, чтобы 3,086 км, умноженные на 10 в тринадцатой степени и ещё раз на пятьдесят, пешком за мной гнаться? Это сколько всего будет?

– Грубо – пятнадцать с половиной квадриллионов, точнее нужно? – сообщил Лихарев, испытывая удивительное ощущение радости от встречи с человеком, с которым можно, а главное – хочется говорить, не задумываясь о последствиях.

– Пока достаточно. Меня в начальной школе тоже учили быстрому устному счёту, но не в таких масштабах, конечно. Но на первый вопрос ответ всё-таки...

– Вы же не англичанин, надеюсь? Обещали ещё кое-какие темы обсудить, а ушли не прощаясь.

– Как раз сейчас – именно англичанин. Сэр Ричард Мэл-

лони. Разве не видно? Надоело в вашей сталинской Москве болтаться, ну, взял и ушел, заглянул на подмандатную территорию – проверить, что здесь без меня успело приключиться. А тут как раз гости... Да не ты, не ты, выше бери. Главное, войдешь – не пугайся и не делай резких движений...

Лихарев не понял, очередная ли это шутка, не совсем падающая в тему по причине их разного исторического возраста и жизненного опыта, или практический совет.

Предпочел подумать, что последнее.

Шульгин провел Валентина по широкому, пахнущему сосновой смолой коридору, с подчеркнутым пиететом распахнул перед ним высокую створку украшенной резьбой двери.

– Видите, уважаемая, наши ряды пополняются. Не знаю, что будет, если визитеры повалят валом...

Лихарев мгновенно охватил взглядом весь обширный зал. Четырехметровые потолки, подкрепленные грубо тесанными балками с подкосами, горящий камин у левой стены, три окна прямо, два справа, в простенках остекленные книжные шкафы и открытые стеллажи, у глухих стен пирамиды с многочисленными, очень не рядовыми ружьями и винтовками. Посередине – массивный, нарочито, одним топором сделанный стол, за которым могли бы пиршествовать до двадцати человек, но весьма скромно накрытый только на двоих.

У ближнего к камину торца, в грубом свитере, скорее подобающем полярнику, чем красивой сорокалетней даме,

подперев кулаком подбородок, сидит та самая недостижимая рядовым агграм, почти как Сталин советским трудящимся, Дайяна, Верховный координатор. С которой хотел и одновременно боялся встретиться Лихарев. Было у нее, само собой, и другое имя, и иная исходная внешность, только никто из человекообразных агентов об этом достоверной информации не имел. Одни лишь осторожные слухи.

Сейчас, впрочем, никаких следов величия в ней не просматривалось. Женщина и женщина. Лихарев не бывал в восьмидесятых и даже в шестидесятых годах, там ее облик не показался бы странным, наоборот, он больше соответствовал здешнему интерьеру, чем парадное платье или деловой костюм.

Валентин поздоровался, стараясь держать себя в руках. Если Шульгин с ней на равных, что очевидно, так и ему опасаться нечего. По крайней мере здесь. Да он ведь этого и хотел. Вот и пожалуйста. В идеальной, между прочим, обстановке.

Шульгин достал из шкафа третий прибор. Есть Лихареву совершенно не хотелось, но стакан выдержанного сухого хереса он выпил с удовольствием, едва ли не с жадностью. После вчерашнего.

Дайяна смотрела на него странным взглядом. Потерянным и тусклым. Валентин мог бы еще понять, если бы она сделала ему какой-то тайный знак, попыталась предупредить или предостеречь, да пусть даже прожечь глазами за наруше-

ние субординации и регламента. Неужели товарищ Шульгин сумел на чем-то поймать и ее? Поразительно. Но ведь и в записанных им словах разговора Сильвии с Шульгиным тоже проскакивали намеки на некую масштабную неудачу их проекта...

– Друзья, друзья, – слегка аффектированно провозгласил Александр, – наша встреча неожиданна, но потому и особенно приятна. Наверное, мадам, те силы, о которых мы говорили в прошлый раз, зачем-то ее организовали? Или я не прав? Валентин вон, бросив свои ответственные заботы, помчался по моим следам. Да и мне кое-кто помог вернуться именно сюда, хотя в мои личные планы это совершенно не входило. Вы тоже вдруг вышли прогуляться по окрестностям и совершенно случайно встретились со мной... Или, может быть, наш форт обладает особой мистической силой, притягивая к себе всех, даже случайно попадающих в орбиту его воздействия?

Шульгин, завершив тост и выпив, вдруг счел необходимым ввести Лихарева в курс дела. Чтоб он не сидел, бессмысленно хлопая глазами, как человек, по ошибке оказавшийся не в той компании.

Крайне любезно сообщил, что он совсем не собирался так невежливо покидать гостеприимный приют на Столешниковом, что ему действительно крайне интересно было бы продолжить общение с вождем всего прогрессивного человечества, но так вот получилось... Только он вздумал укрепить

свои силы и лечь спать, как закрутило-замутило незнамо что и выбросило вот сюда. В свое собственное, в восемьдесят четвертом году потерянное тело, которое, оказывается, без него очень недурно обжилось в двадцать первом и прибыло сюда, чтобы забрать владельца домой.

Он замолчал, отпил глоток, посмотрел по сторонам, как бы ожидая реакции на красиво сконструированный период. Не дождался, сотрапезники оказались слишком травмированы происходящим, хотя чего уж, казалось бы? Например, загоняя Новикова и Берестина в сорок первый год, Дайяна вела себя очень уверенно и даже надменно. Правда, когда некоторое время спустя Андрей возил ее породистым лицом по здешней грязи, она часть своего гонора потеряла. А потом на катере снова держалась вполне прилично, несмотря на то что положение у нее было совсем пиковое. Не прояви Новиков почти самоубийственного гуманизма, так и сидела бы до сих пор в промерзшей стальной коробке катерной каюты, два на два метра, причем без галюна. Выручить ее оттуда на всей планете было некому, а вылезти через иллюминатор пышные бедра не позволили бы.

Лихарев, будучи по натуре личностью попроще, и держался соответственно. А что за беда? К нему жизнь всегда была повернута казовой стороной. Ему поручено решать судьбы человечества, он их и решает. Успешно и с полным для себя удовольствием. Правда, сейчас все как-то иначе начало оборачиваться.

Он успел впервые ощутить это, самым краешком, когда Шульгин-Шестаков вмиг его обезоружил в заснеженном Сокольническом парке и заставил играть по своим правилам. Но это было еще не так наглядно, могло сойти и за досадную случайность. А сейчас этот землянин просто подавляет, и не только его, но и Высшую...

Александр Иванович, поняв, что клиенты *готовы*, резко сменил тон:

– Согласитесь, Дайяна, что сейчас мы с вами в одинаковом положении. Прошлый раз на катере вы говорили от имени Игроков, Держателей, и мы вас слушали, конечно, без трепета, но с достойным обстановки вниманием. Сейчас, я вижу, вы отвечаете только за себя. Так?

Лихарев снова не понял, о чем речь, но Дайяна кивнула утвердительно.

Очень интересно.

– Ты, Валентин, тем более ни за что не отвечаешь. Для тебя наш разговор – хуже, чем китайская грамота. Так?

Валентин тоже кивнул, предпочитая не говорить слов, которые могут быть истолкованы самым неожиданным для него образом. Почему и в ближнем окружении Сталина продержался так долго.

– Скажите, Дайяна, – спросил Шульгин, – сколько времени назад по вашему счету мы расстались?

– Часов десять-двенадцать, я думаю...

Очень хорошо. Для *первого* Александра, по личным ощу-

щениям, прошло не меньше года. Это с возвращением в крымскую Россию, в Москву, со спасением Колчака, сражениями с англичанами и всем прочим. И – переброс сюда.

Вторая память ограничивалась десятью днями – от ночи в постели Сильвии до ухода сюда же, через историю Шестакова. При этом он спокойно относился к совмещению в себе этих далеко не конгруэнтных⁵ вариантов.

И пока еще он не очнулся в каменной каютке Нерубаевских катакомб,⁶ чтобы осознать часть (только часть) с ним произошедшего. Это, в определенном смысле, впереди.

Ни Дайяну, ни Лихарева он *грузить* собственными сомнениями не собирался. Они раз и навсегда договорились с Новиковым (кстати – после напряженного разговора с Дайяной же), который единственно его понимал в почти полной мере, – не касаться проблем собственной адекватности и душевного здоровья. Иначе легко зайти слишком далеко. Лучше попросту: психи – так психи, нет – так нет. Начнешь углубляться, выяснять, обсуждать, диагностировать – верный путь к смиренной рубашке. Не джеклондоновской, к обыкновенной.

– Давайте лучше уточним наши позиции, – предложил он. – Последний с вами разговор, Дайяна, мне показался конструктивным. Вы вели себя как весьма разумная и от-

⁵ Конгруэнтный – относится к геометрическим фигурам, совпадающим при нужных перемещениях (лат.).

⁶ См. «Время игры».

странившая потерявшие смысл эмоции женщина. Мы могли бы принять вас в наше общество, как Ирину, как Сильвию...

Лицо Дайяны дернулось мгновенным тиком. Нет, пожалуй, Шульгин слегка перебрал. Так сразу предложить герцогине место горничной или приживалки – не всякая поймет правильно, найдет в себе силы здраво оценить обстановку. А с другой стороны, Александр сам видел, как легко адаптировались, оставив гонор, русские князья, полковники и фрейлины двора Ея Величества к положению шоферов, швейцаров борделей или... Но не будем, не будем уточнять.

– Спасибо за предложение, но планы у меня есть собственные, и вряд ли мы сможем найти общий язык. Вы просто не понимаете, о чем говорите. И правы вы только в одном – из того, что наши пути снова пересеклись, следует лишь вопрос: кому и зачем это нужно? Но уже не мне. Я сижу сейчас здесь и не могу найти никаких объяснений – зачем? На самом деле самое простое – у меня появилось желание вновь увидеть это место, я пришла и увидела вас. А теперь и этого господина, которого я неплохо помню. Леди Спенсер отзывалась о нем достаточно положительно. Вы от нее, это она дала вам формулу перехода? А для чего? Ваше появление здесь и раньше не показалось бы мне уместным, а теперь тем более. Или на Земле опять случилось что-нибудь неожиданное?

– Насколько я знаю, нет, – осторожно сказал Лихарев. – Простите мою инициативу, но я просто счел своим долгом

найти кого-нибудь из руководства. Леди Спенсер последнее время ведет себя достаточно странно, вот хотя бы в истории с товарищем Шульгиным-Шестаковым... Есть и еще несообразные моменты...

– Стучать прибежал? – широко улыбнулся Шульгин. – Террор среды, как у вас говорят? Не донесешь ты первым, донесут на тебя? А мне казалось, ты к советскому яду нечувствителен...

Такая трактовка его поступка Лихарева, кстати, вполне устраивала. Не нужно придумывать ничего более сложного.

– Александр Иванович, все ведь зависит только от того, как назвать. По-вашему – стучать, по-другому – принять необходимые меры. Если на фронте вы узнаете, что ваш командир собирается перебежать на сторону врага с секретными документами, неужели сделаете вид, что вас это не касается?

– Хорошо, хорошо, пример удачный, а вообще ваши дела меня ни малейшим краем не интересуют. Вот, встретил ты главнейшую из главных, докладывай, а я и выйти могу, мне ваши секреты вон где... Мне бы домой поскорее вернуться.

Он в самом деле встал, пружинистой походкой направился к двери на окружавшую терем галерею.

– Вы опоздали, координатор Лихарев, – прежним тусклым голосом сказала Дайяна. – Ничего нет. Базы нет, Проекта нет, меня, в том смысле, как вы это представляете, тоже нет... Живите, как знаете, или, наподобие самураев в день

капитуляции Японии, сделайте себе харакири...

– А немного подробнее – можно?

Дайяна очень коротко и устало пересказала ему то, что раньше уже говорила Сильвии. О ликвидации связи с Метрополией, исчезновении базы, распаде памяти, ее личной и компьютерной, «схлопывании» всего «Рах Aggriana».⁷

Но Лихарев был не так прост. Он спросил Дайяну о реальной, фиксированной по Главной последовательности дате начала этого процесса.

– Ваш вопрос не имеет смысла. Какая разница?

– Для меня – есть. По косвенным данным, ставшим мне доступными совершенно случайно, это произошло никак не раньше конца восьмидесятых годов...

– И что?

– Я ведь живу и работаю в тридцать восьмом. Что бы тут у вас ни случилось, в моем времени все остается по-прежнему?

– Очень может быть. Но меня это уже не интересует. Я ведь – здесь.

– А я могу переместиться оттуда – сюда? Если миссия там больше не имеет смысла?

Дайяна задумалась на несколько секунд.

– Боюсь, что нет. Вас же учили...

⁷ «Агтрианский мир» – по аналогии с «Римским» и «Американским», территория, находящаяся под политическим, военным и культурным контролем метрополии, не входя формально в ее состав.

Теорию Лихарев помнил, но ведь столько уже произошло и происходит вещей, никак с ней не согласующихся.

– Простите, ведь только что господин Шульгин предлагал ВАМ присоединиться к их компании в их времени. Почему бы и не мне тоже? Раз в тридцать восьмом моя работа уже не имеет смысла и перспектив...

Дайяна пристально посмотрела ему в глаза.

– Просто потому, что вы – не я. Вы жестко привязаны к своему месту и времени. Если вздумаете остаться здесь – вас просто выдернет обратно, когда напряжение хронополя упадет. А оно упадет очень скоро, оно уже падает, потому что Базы на Таорэре нет и его нечем поддерживать. То, что вы сюда сумели проникнуть, – это уже парадокс. Да вот, смотрите, тот, на кого вы уповаете, исчез...

Валентин посмотрел в окно.

Буквально минуту назад он видел Шульгина, сидящего на перилах и безмятежно покуривающего. Теперь же там было пусто.

Подчиняясь странной смеси отчаяния и облегчения, он выскочил на галерею. Действительно, землянин исчез, испарился. Ни убежать Александр Иванович не успел бы, ни спрятаться, приди ему в голову такая затея.

– Что бы это значило? – спросил он у Дайяны, возвращаясь в комнату.

– Да ничего. Фантом, призрак, или та самая «пересадка». Его земное тело было прислано, чтобы встретить информа-

ционный сгусток матрицы. Мы успели, случайно или нет, стать очевидцами. Он говорил с нами, пока личности, одноименные, но не одинаковые, притирались друг к другу. Оттого и знание событий, никогда на самом деле не совмещавшихся и несовместимых. очередной парадокс. Теперь процесс завершился. Сейчас он снова «дома». Через несколько минут уйдете и вы. Ничего не могу вам посоветовать. Живите, работайте. В тридцать восьмом у вас есть леди Спенсер, там же может появиться и прежняя госпожа Дайяна. Лет через пятьдесят, может быть, встретимся. А возможно, и раньше. Сейчас я уже не помню, было такое в той жизни или не было...

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Зачем мы сейчас втроем сошлись здесь? Должен ведь быть какой-то смысл, цель, сверхзадача?

– Вполне возможно. Только нам об этом не сказали. Вам, предположим, нужно было увидеть меня нынешнюю, чтобы с учетом этой встречи как-то иначе вести себя там, где вы сейчас пребываете. Мне – убедиться, что змея в очередной раз укусила собственный хвост.

Шульгин же... Тут я пас. Или действительно простая случайность, незапланированное пересечение мировых линий, или – ход, последствия которого не нам знать... Так что прощайте, Лихарев. Живите по инструкции, ничего лучшего вам посоветовать не могу. И, мне кажется, впредь вам следует избегать контактов с господином Шульгиным и ему

подобными. Ничего хорошего такое общение не принесет, а потерять вы можете гораздо больше того, что имеете сейчас. Это я говорю вовсе не как бывший руководитель Проекта, просто как достаточно умудренная жизнью женщина.

Все беды начались после того, как *одна из нас* вообразила себя *одной из них*.

Еще раз – прощайте...

И без какого-либо действия со своей стороны, без произведения формулы и включения блок-универсала Валентин осознал себя вновь стоящим в дверном проеме из кабинета в мастерскую. Пол под ногами слегка покачивался, и мутило так, будто накануне он пил, не закусывая, неразведенный спирт. А на самом деле – не больше двух бутылок шампанского в обществе прелестной молодой коммунистки, сотрудницы отдела литературы на иностранных языках Ленинской библиотеки.

Девушка, безусловно, была «из бывших», но тщательно замаскировавшаяся. Не может выпускница рабфака, сразу после него – института имени Мориса Тореза абсолютно свободно владеть французским и иметь такое точеное, гибкое тело. Она принесла в ридикюльчике⁸ «Камасутру» парижского издания 1899 г., и они увлеченно переводили ее на русский, часто смеясь и пытаясь выяснить, действительно ли это техническая инструкция или всего лишь плод болезненного воображения отставного евнуха из гарема джайпурского ма-

⁸ Ридикюль – женская сумка (фр. устар.).

гараджи.

Кое-как совместив события минувшей ночи и последних минут, Лихарев бросил на диван «маузер», стянув сапоги и гимнастерку, снова прошлепал босиком на кухню. Хитро улыбаясь, снял с руки браслет гомеостата, после чего извлек из буфета очередную бутылку коньяка, набулькал себе в обычный «тонкий» стакан гораздо больше половины (а что, государь Александр Третий Александрович на меньшие дозы не разменивался), выцедил сквозь зубы. Не спеша, прислушиваясь к ощущениям. Если отпустит, значит, он – еще он. Если нет – на этот случай у него ответа не было приготовлено.

Слава богу, отпустило.

Ровно так, как полагалось, сообразно его натуре и биохимии.

Посидел, допил чай уже без всякого удовольствия, выкурил папиросу. И пошел будить Шестакова. Что-нибудь он ведь расскажет, если правильно вопрос поставить?

Шестаков, может быть, и расскажет, а Шульгин?

Шульгина после всего случившегося вчера-позавчера он опасался точно так, как любой лейтенант или капитан опасается полковника, независимо от личности. Сами по себе знаки различия подразумевают, что любой их носитель может сотворить с тобой любую пакость, никак не связанную с реальными заслугами или провинностями, и всегда будет

прав, а ты – наоборот.

И даже квартира вдруг показалась совсем не тем надежным, экстерриториальным убежищем, *выключенным* из человеческого мира, к которому он привык за десять лет, а подобием первобытного леса, где из-за любого куста и дерева может выскочить саблезубый тигр или пещерный медведь.

«Нехорошо, – сказал сам себе Лихарев, – нельзя так расслабляться». И тут же подумал, что не сам по себе расслабился, а оказывает на него влияние некая третья сила.

Григорий Петрович после всего пережитого и после коньяка, наверное, спал так крепко, что будить его пришлось долго и утомительно. Он бормотал что-то невнятное, отмахивался рукой, потом вдруг отчетливо начал ругаться отборными флотскими выражениями и лишь после этого сел на диване, с недоуменным интересом воззрившись на Лихарева. А это, мол, кто тут еще такой.

– Александр Иванович, вы проснулись, надеюсь? – тихо спросил Лихарев и для надежности добавил сообщенную Сильвией фразу, которая прошлый раз сработала сразу.

– К кому это вы обращаетесь... э-э... Валентин, кажется?

Нарком наконец окончательно пришел в себя, опустил ноги на ковер, потянулся, протер ладонью глаза.

– Да, что-то вчера мы слегка перебрали, согласны? Но спешить, кажется, некуда? Темно еще. И время на отдых мне товарищ Сталин предоставил. Так в чем дело?

Шестаков выглядел настолько убедительно, что нехоро-

шее ощущение Лихарева превратилось в еще более нехорошую уверенность.

– Вы ничего не помните? – спросил он.

– О чем? Все я великолепно помню. Не алкоголик, из ума не выжил, несмотря на... события. И прием у товарища Сталина, и нашу с вами поучительную беседу, и как вы ушли поразвлекаться, а мне любезно отдохнуть позволили, все помню. Что-то опять случилось или желаете продолжить веселье в моей компании? Так я не против. Давайте выпьем, поговорим, а потом снова спать. Метель, я слышу, совсем разыгралась. Самое время, если срочные дела не препятствуют...

Говорил нарком так просто и естественно, а главное – с непередаваемыми интонациями именно высокого номенклатурного лица, несколько не похожими на интеллигентно-саркастическую манеру Шульгина, что Лихарев сразу поверил – сам по себе, в единственном лице он здесь присутствует, а никакого Александра Ивановича нет, как и не было никогда. Наваждение, морок, да и только.

– Да нет, это я просто так... Сам переутомился слегка. Всю ночь выпивали да в преферанс играли. Трудные дни выдались, вот и захотелось расслабиться. И что-то мне показалось, будто мы с вами договорились с утра кое о чем побеседовать...

– Было такое, – не стал спорить Шестаков. – По поводу моего доклада товарищу Сталину. Так ведь рано еще, время терпит. Может, действительно выпьем? У нас, на царя

ском еще флоте, офицеры безотказное средство знали в таких случаях. После хорошего «проворота» часика за два-три до подъема флага суметь проснуться, большую стопку водки выпить, и снова на боковую. Встаешь, как огурчик...

— Что ж, давайте попробуем. Вам сегодня вообще спешить некуда, а мне — не раньше двенадцати.

— Море времени. Выпьем, закусим, и все такое прочее...

Нет, ни малейших признаков присутствия Шульгина. Абсолютно естественное поведение наркома, каким его знал и представлял Лихарев, человека, самому себе полностью адекватного, лучше многих здешних, но и не более того. Самую малейшую нотку несоответствия Валентин непременно бы уловил.

С одной стороны, жаль неразыграной партии, а с другой — так, наверное, проще будет. Шестаков в нынешней роли и позиции никуда не денется, будет исполнять, что приказано. А с Шульгиным работать — упаси бог. Однако леди Спенсер может неудовольствие высказать по поводу несделанного задания. Замечание прописать «о неполном служебном соответствии». И ранее дарованные привилегии отобрать.

Ох, сложно, сложно. Никогда так не было за последние десять лет.

Валентин прошел в свою лабораторию, примыкавшую через малую прихожую к «парадному» кабинету. Якобы за новой бутылочкой приличного напитка. На самом же деле ему хотелось взглянуть на показания приборов. Как, когда и с

чьей помощью исчез непонятный господин? Товарищем его назвать язык не поворачивался.

Да, так и есть. Около двух часов ночи Шар зарегистрировал собственное включение, причем по совершенно незнакомой схеме, и двукратный перенос стокилограммовой массы с интервалом в десять секунд. Туда и обратно. В этом, конечно, никакой хитрости не было. Десять секунд вполне могли равняться и суткам, и месяцу, в других, разумеется, координатах.

Но факт есть факт. Тело наркома было переброшено отсюда куда-то и возвращено обратно. Остальное понятно.

Валентин перевел взгляд несколько левее и увидел листок бумаги, небрежно прищипленный к дверце до сих пор секретного, хорошо спрятанного за стеновой панелью сейфа, а сейф сейчас открытого для обозрения. Сам сейф вскрыт вроде бы не был, но выявлен – показательно, демонстративно и оскорбительно.

На бумажке – небрежно, похоже, на коленке нацарапанные слова.

«Лихарев! Вы мне надоели. Со всеми вашими заморочками. Я ушел. Навсегда. Привет Сильвии. Не обижай наркома. Он вам еще пригодится. Если нет – отпусти. Запомни, кроме твоего времени, есть очень много других. Они умеют мстить несогласным. Леди Спенсер знает. Не хотел бы встречаться впредь, а если придется – только по твоей вине. Или беде».

Ни подписи, ничего. Точка в конце.

Валентин покрутил в руках листок, глянул на просвет. Даже понюхал. Точно. Пахнет теми самыми нездешними духами. А больше – ничего. Обычная бумага из его собственного бювара. Написано, правда, не перьевой и не автоматической ручкой, не карандашом, само собой, а чем-то непонятным. Вроде как тонкой кисточкой, которой пишут свои иероглифы китайцы и японцы.

Как ушел, куда, почему – не сказано. Ну и ладно. Зато будет что предъявить Сильвии.

Лихарев взял из тумбочки бутылку «Двина», который регулярно, ящиками привозил в Кремль секретарь армянского ЦК, вернулся в кабинет.

В ходе необязательного, можно сказать, светского разговора Валентин, не выдавая своего интереса к глубинным мотивам недавних поступков Шестакова, провел экспресс-тестирование личности сидящего напротив человека.

До этого такой возможности у него не было, слишком все происходило стремительно, непонятно, да и Шульгин, как догадывался Лихарев, немедленно разгадал бы его замысел и сумел бы создать о себе то впечатление, которое считал нужным.

Сейчас же все получалось так, как надо. Нарком понятия не имел о психологических практиках и раскрывался легко.

Валентин выяснил, что никаких, даже остаточных следов наличия в Шестакове чужой матрицы не имеется. Он теперь

— сам по себе, и необъяснимые, если смотреть со стороны, изменения собственного характера, стереотипа поведения etc. его подсознание успело переосмыслить, рационализировать, создать вполне непротиворечивую модель, с которой можно жить, не испытывая параноидального или шизофренического синдромов. Шульгин каким-то образом сумел внедрить своему реципиенту новую схему памяти, систему базовых ценностей, громадный блок информации и плюс к этому убеждение, что так всегда и было. Просто, исходя из данности, из реалий той жизни, которой пришлось жить после Гражданской войны, нарком научился разделять собственную натуру на непересекающиеся и почти не взаимодействующие составные части.

Причем кое-какая истина в этом была, иначе вторжение Шульгина не прошло бы столь безболезненно.

Прослужив советской власти и ВКП(б) почти двадцать лет на весьма высоких постах, Григорий Петрович чудесным образом ухитрился остаться в стороне от «зверств» режима. Он вообще сторонился всего, что прямо не входило в его должностные обязанности. Не участвовал ни в оппозициях, ни в борьбе с ними (за исключением обязательных дежурных фраз на партсобраниях и в докладах), не входил ни в какие «тройки», сколь мог (исключительно в интересах ДЕЛА) поддерживал и защищал «буржуазных спецов» и вообще сотрудников, по тем или иным причинам попадавших «под кампании» или в поле зрения «органов». Удавалось это

не всегда, но в целом (по меркам тех времен) Шестаков остался человеком порядочным и даже, если так можно выразиться применительно к наркомун, члену ЦК и депутату, – аполитичным.

Причем следует отметить, что именно эти черты и защищали его до последнего времени от «Большого террора» и терроров предыдущих, поменьше. Позиция «делай свое дело и не высывайся», в общем, встречала благосклонное отношение со стороны вождя. Кому-то же и работать надо, а к стенке поставить можно и других, погорластее да побездарнее.

Но теперь-то Григорий Петрович явно перешел в другую категорию. Заявил о себе, да как! Дело даже не в эпизоде с чекистами, их судьба не интересовала Сталина абсолютно, а вот то, что поблизости от него объявился человек, способный на подобное, – это совсем другое. Да мало того, Шестаков ввязался в *государственную политику*! И весьма решительно. Сыграл на повышение и пока в выигрыше. Вся беда в том, что именно *пока*.

Что ж, Лихареву этого достаточно. Даст бог, не меньше полугода продержится Шестаков *на волне*, а за это время много чего случиться может.

– А вот что вы насчет своего семейства думаете? – спросил Валентин после третьей или четвертой рюмки.

– А что тут особенно думать? Осмотрюсь немного, разберусь, в какую сторону для меня обстоятельства поворачива-

ются, да и привезу обратно. А пока пусть у Николая Александровича поживут, сейчас им бояться нечего, отдохнут на природе. Как-никак переживания Зое достались труднопереносимые, и в старую квартиру ей возвращаться вряд ли захочется.

– Иных вариантов не рассматриваете?

– Какие еще могут быть варианты. Чай, не старое время, ни в Ниццу, ни в фамильное имение отъехать не получится. Разве не так?

– Так-то оно так, а все-таки поразмыслить есть над чем...

Шестаков сдержанно рассмеялся. «Неловко работает сталинский порученец. Он что же, думает, так я ему все и выложу? Да, мол, не доверяю я товарищу Сталину и обещанным милостям, посему для подстраховки собираюсь, как и раньше хотел, переправить жену с детьми через финскую границу. Если б даже и имел подобные намерения, ни за что бы не признался, хоть после литра выпитого, в самом бессвязно-доверительном разговоре».

– Ну, поразмыслите, Валентин, вы в таких делах не в пример меня опытнее, вдруг да и придумаете нечто этакое, что мне сейчас в голову не приходит. Вы, кстати, действительно считаете, будто мне еще какие-то опасности грозят? Мне так, напротив, кажется, что лучшего случая избавиться от меня, чем сейчас, Иосифу Виссарионовичу искать смысла нет. Как ни рассуждай, а события последних лет укладываются в строгую логику. Я ведь инженер, да и вы тоже. По-

литика политикой, но ведь она не более чем «надстройка». Так и в «Кратком курсе» написано. Если бы я представлял вред, да просто смутную опасность для системы, для «дела ВКП(б)», увели бы меня под белы руки из приемной, хоть до встречи, хоть после. Не увели, значит, «взвешен, измерен и признан достойным». Разве не так, Валентин? Вы ведь непосредственно на кухне служите, где готовятся «острые блюда».

– Так, Григорий Петрович. На данный момент именно так. Признаны. Причем даже больше скажу – в нынешних обстоятельствах не просто полезным, а незаменимым. И ждет вас великолепный карьерный взлет. Вся беда – что станем делать, если генеральная линия вдруг изменится, а вы не успеете этот поворот отследить?

Нарком снова рассмеялся. Слегка даже издевательски, выпитое совместно с Лихаревым количество вполне оправдывало подобное изменение качества.

– Я же старый моряк, Валентин. Ходовые вахты, подменяя сигнальщиков, стоял. В том и задача, и смысл – непрерывно наблюдая за флагманом, не упустить момента смены курса, желательно даже предвидеть сей маневр, заблаговременно к нему подготовиться. Тут есть масса профессиональных секретов. Одним учат, другие постигаются интуитивно. Вам не понять. Допустим, засек ты в бинокль, что суета на мостике флагмана усилилась, коллеги-сигнальщики к ящикам с флажками побежали... Тут же и докладываешь вахтенному

начальнику, так, мол, и так, вашбродь, господин лейтенант, сейчас чтой-то будет, и не изволите ли ручки на машинный телеграф возложить да мателота⁹ предупредить, чтоб не зевал... Таким образом. А уж кто из нас этим сигнальщиком будет...

– Согласен с вами, Григорий Петрович. Обстановка покажет. Будем присматриваться. А сейчас, тоже следуя вашим рекомендациям, давайте свернем застолье да придавим минут по триста.

– Целиком присоединяюсь. Добрых вам снов, Валентин Валентинович.

За истекшую неделю Шульгин настолько освоился в роли «драйвера» подчиненной личности, что без всякого труда перенацелил дозу алкоголя, уже преодолевшую гематоэнцефалический барьер, на шестаковскую составляющую и погрузил ее в глубокий, здоровый сон. Вообще присутствие внутри черепной коробки «напарника» его никак не затрудняло, контролировать «реципиента» было не труднее, чем управлять мотоциклом на гладкой дороге. Или не впускать в сознание словарный запас и грамматические конструкции всех известных тебе языков, когда требуется говорить и писать именно на русском.

⁹ Мателот – в данном случае следующий в кильватере корабль, хотя вообще «мателотом» называется любой соседний из состава эскадры, спереди, сзади, справа или слева.

Просто сейчас ему требовалось поразмышлять о таких вещах, знать о которых Григорию Петровичу не следовало. Даже не в силу их крайней секретности, а просто чтобы они не засоряли основной формат наркомовской натуры. Сашке он нужен именно в собственном качестве. Как источник подлинной, здешней информации, эмоциональной модели поведения, присущей только Шестакову моторики, динамических стереотипов, спонтанных реакций. Если он начнет хоть насколько-то отождествлять себя с Шульгиным да, упаси бог, в острые моменты сверяться с его, а не своими чувствами и знаниями, вполне можно проколоться так, что костей не соберешь.

Шестаков *ушел*, и Шульгин ощутил себя словно в знакомой комнате, из которой вынесли мебель. Гулко и просторно.

Итак. Из чего следует исходить?

Он снова разобрал по минутам содержание двух последних суток, от подготовки к проникновению в наркомат и до прощания с Антоном.¹⁰

Здесь следует обратиться к опыту Робинзона Крузо, затеявшего инвентаризацию собственных чувств, плюсов и минусов положения, в котором оказался. Разделил, помнится, страницу на две колонки, над одной написал «Худо», над другой – «Хорошо». И, соответственно, разложил те и иные

¹⁰ См. «Бои местного значения».

моменты по принадлежности.

Вот и мы пойдем аналогичным путем. Что в минусе?

Потеря собственного тела, друзей, времени. Абсолютное одиночество в эпохе, мало приспособленной для жизни уважающего себя человека. Материально тоже не слишком, но это ладно, при некоторой изворотливости и соответствующем социальном статусе устроиться можно и здесь. В конце концов, даже в сравнении с восемьдесят четвертым годом чего здесь не хватает? Ну, телевидения. Невелика потеря. Реактивной пассажирской авиации. Современной (ему) литературы и кино. Магнитофонов, электропроигрывателей с приличным качеством звуковоспроизведения. Антибиотиков. Приятной глазу женской одежды. Вот, пожалуй, и все. Остальное в той или иной степени совершенства существует. Кое-что даже лучше. Международные вагоны, например. Пищевые продукты элитных сортов. Экология.

(Все эти оценки, разумеется, касались именно того Шульгина, что жил в восемьдесят четвертом. Уже Валгалла и Замок отличались куда большим разнообразием жизненных благ и возможностей.)

Проигрыш в плане нравственном. Он превращается из вольного стрелка, хозяина своей судьбы в зажатого массой ограничений чиновника, служащего одному из самых бесчеловечных тиранов в мировой истории. Дело даже не в том, что террор, бессудные расстрелы и посадки. Таким не слишком удивишь, бывало и круче и страшнее, причем в любой

ныне цивилизованной стране. Степень подавления личности, ликвидация даже намеков на ее свободы, экономические, политические, сословные. Любой средневековый ремесленник, бюргер, купец был не в пример свободнее, чем самый высокопоставленный «гражданин» нынешнего режима. Однако, с другой стороны, указанная степень несвободы парадоксальным образом освобождает его от необходимых в иных обстоятельствах нравственных ограничений. Если позволено «им», то тем более позволено мне. «Какою мерою меряете, такою и отмерится вам».

Угроза собственной жизни? Есть, как не быть. Но тоже на паритетной основе. Что и подтвердилось уже в истории с чекистами. Разобрался с ними, разберется и с кое-кем повыше, лишь бы не дать застать себя врасплох.

Техническая оснащенность, в тех пределах, что может потребоваться, – вполне достаточная. Стрелковое оружие практически не уступает тому, каким Шульгин пользовался полвека спустя. Автомобили – не слишком навороченные, но вполне отвечающие основным функциям. Ни на «эмку», ни на «ЗИС-101» он пожаловаться не мог. Средства связи? А с кем тут связываться, кроме Лихарева? Что же касается Антона, то Сашка надеялся – с ним-то контакт восстановится, раньше или позже, смотря по обстоятельствам. Он ему безусловно нужен, иначе чего бы форзейлю соглашаться на нынешний вариант, более того, обеспечивать «магическое» прикрытие акции?

Плюс запасной вариант – возможность при помощи формулы, переданной Сильвией, сбежать, как только в этом возникнет настоятельная необходимость. Не совсем, правда, ясно, куда именно сбежать. Если на Валгаллу, в собственное тело до того, как пришлось эвакуироваться в Замок, то возникают интересные расклады. Он сразу приобретает преимущество над собой тамошним и получает возможность предотвратить разгром Форта агграми, сохранить колонию в ее первоначальном виде. Одновременно исключив возможность своего попадания в тело Шестакова и, соответственно, текущий момент и все мысли, которыми он сейчас развлекается.

Пусть так, этот парадокс мы пока (но не окончательно) отмечаем. Опыт подсказывал, что любой парадокс является таковым лишь до тех пор, пока о нем рассуждаешь чисто теоретически, а в стадии практической реализации все каким-то образом разрешается достаточно непротиворечиво и самым неожиданным образом.

По нормальной, «человеческой» логике, он безболезненно может возвратиться только в узкий зазор между «настоящим» возвращением в собственное тело после того, как обеспечил выезд наркома с семьей из Москвы на Ленинградское шоссе (об этом он кое-что помнил сам, кое-что слышал от Антона), и началом следующего этапа шульгинской жизни. Так, чтобы нынешние его знания не могли повлиять на последующие события.

А как они могут повлиять, собственно говоря?

Один раз Шульгин в собственное тело вернулся, судя по имеющейся информации – вполне там адаптировался и продолжил существование, сохранив память обо всем происшедшем. Каким-то образом сделал Сильвию своим союзником, а может, и другом. Все у него там, похоже, сложилось нормально.

Но дело в том, что несколько часов, проведенных им в ином облике, и даже полгода, которые прожили в роли Сталина и Маркова его друзья, нельзя сравнивать с нынешней ситуацией. Слишком далеко разошлись оригинал и копия. Он нынешний пробыл в здешней роли десять дней, а тот Сашка у себя – несколько лет. В случае «воссоединения» его нынешняя личность просто растворится в основной. Превратится из полноценного, мыслящего и чувствующего индивида в короткое, полузатертое воспоминание о давних и не самых значимых событиях. Вот это и страшно.

Потому он сейчас, при здравом размышлении, не считал свое импульсивное решение остаться здесь столь уж экстравагантным. Старый философский вопрос: что важнее – сохранить личность в каком бы то ни было виде или утратить ее ради внешнего облика, принадлежащего уже не тебе?

Хотя тут тоже напрашивается вопрос иного плана: так ли оно на самом деле? И добровольно ли это решение принято? Что, если все наоборот и, вернувшись, именно он станет (останется) самим собой, просто присоединив к имеющимся

воспоминаниям еще один их пласт? Приобретя, тем самым, дополнительные духовные силы и способности.

Отчего и решили придержать его *здесь*, не допустить появления *там*, с каковой целью и внушили якобы собственное желание подзадержаться в наркомовском теле. Кто внушил? Лично Антон или пресловутые Держатели.

Есть ли реальная возможность выяснить, как на самом деле обстоят дела? Непосредственно сейчас – наверняка нет. Разве только постепенно, с течением времени, по каким-то косвенным признакам. То ли через Антона, то ли через Сильвию, а может быть, как-то иначе.

Как он сам для себя замотивировал решение остаться Шестаковым? Страх перед возвращением, слегка завуалированный желанием еще немного поиграться в данной реальности. Испробовать свои силы в поединке со Сталиным. Новиков попытался сделать это изнутри, но не успел. Антон его (их) оттуда выдернул. Андрей неоднократно говорил, что, будь его воля, он бы остался еще немного. Хотя бы до начала общего контрнаступления Западного фронта. И прохождения «точки возврата», после которой Сталин уже не сможет сохраниться в своем основном диктаторском качестве.

Что ж, будем считать, что именно эта цель для меня сейчас главная. Именно эта. Решить шахматную задачу. В состоянии ли не самый рядовой человек восьмидесятых годов, причем без всякой помощи извне, единственно используя свои интеллектуальные способности и знание будущего,

стать «серым кардиналом» при одном из самых эффективных и беспринципных диктаторов мировой истории? Грубо говоря – не дать себя убить, а вождя заставить плясать под свою дудку до тех пор, пока удастся кардинально перестроить эту «сталинско-советскую цивилизацию»?

Зачем? А вот это как раз не вопрос. Зачем гроссмейстер старательно пытается поставить в безвыходное положение, именуемое «мат», белого короля по ту сторону доски? При этом великолепно зная, что завтра с таким же азартом будет «матовать» короля черного, которого сейчас самоотверженно защищает. На самом же деле глубокое отвращение у него вызывает плохо выбритый тип, сидящий напротив, нагло вообразивший, что имеет право претендовать на оспариваемый во время этого матча титул.

А что касается так называемой «справедливости», «восстановления исторической правды», «ленинских норм» или, наоборот, «замшелого самодержавия» времен Александра Третьего и Победоносцева, такие вещи Шульгина совершенно не интересовали. Не Господь Бог он – и никогда себя за такого не держал – пытаться решать за давно отживших людей их проблемы, которые они сами себе и создали, кто – не поддержав белых, кто, наоборот, – поддержав красных. Все они прожили отпущенный им век, радуясь судьбе или проклиная ее же, кое-кого Сашка еще успел застать живыми, большинство умерло раньше, но в любом случае их друг с другом ничего не связывало.

Он не мог, в отличие от героев фантастических романов, сослаться на то, что поставлен в условия безальтернативного выбора. И действует, мол, «по крайней необходимости». Не было таковой. За исключением самого первого момента, все остальное – плоды его личного выбора. Такого, какой он сделал. Смешно горевать добровольцу, своей волей пошедшему на фронт, что вдруг стало страшно и захотелось вернуться домой, к уютному свету лампы, вкусному ужину и теплой постели. Или альпинисту, зависшему на скальной стенке восточного склона Эвереста. Раньше думать нужно было, а сейчас выкручивайся, как знаешь.

И тут же наступило, наконец, холодное спокойствие. Чего он и добивался. Известный психологический прием. Исчерпать собственные доводы «против» и остаться при тех «за», от которых уже никуда не деться. «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

А Шестаков, что же Шестаков? На некоторое время ему придется как бы и умереть. Что он там чувствует «внутри себя», Сашке понять не дано. Его эмоциональная составляющая вовне не выходит. Страдает он там, радуется, что кто-то за него решает его проблемы, или в силу особенностей взаимодействия «драйвера» и «реципиента» не ощущает вообще ничего, Шульгину не известно.

По крайней мере, ему сейчас лучше, чем если бы он остался наедине с собой. И органами пролетарской диктатуры.

Сашка встал, прошел к холодильнику, налил себе стакан

шипящего «Боржома», с удовольствием выпил. Мозги-то у них с наркомом разные, а биохимия общая.

А теперь невредно и самому поспать. Ход сделан, ответ за партнером.

Лег, с головой укрылся тонким покрывалом, чтобы отвлечься от всего, начал представлять себе туманный дождливый день, бетонный пирс и пришвартованную к нему яхту «Призрак», на которой они с Андреем собрались отправиться в далекие южные моря.

И тут он вдруг вспомнил, сразу, будто очередную завесу раздернули, абсолютно все.

Годы, прожитые им, никем другим, после возвращения в Замок с пленной Сильвией, переход на «Валгалле» в Крым двадцатого года с попутным заходом в Стамбул и вербовкой там Басманова и всего батальона, Каховку, Москву и все-все-все вообще, включая визит в 2056 год, в Австралию и ростокинскую Россию. И предыдущее возвращение памяти в одесских катакомбах.

И что же теперь? С одной стороны, свалился с сердца тяжелый камень. Он – это все-таки он, как бы ни мотала его судьба или те, кто ею распоряжается. Вернулся сам в себя три (кажется, так) раза, вернется и в четвертый. Выполнив здесь очередную миссию. Возложенную или добровольно принятую? Да так ли это важно?.. Делали там, попробуем сделать здесь. Будет трудно? А когда было легко? Нет рядом друзей? Нужно будет – появятся. В это он верил так же непреложно,

как и в то, что за окном рано или поздно рассветет. Опыт подсказывал.

Ну а попробовать на равных сыграть с самим товарищем Сталиным – отчего же и нет? Он теперь его знает гораздо лучше, чем знал Андрей в мае сорок первого. И по рассказам Новикова, и памятью Шестакова, и по тем книгам, что успел прочесть уже «после Замка». Так что, можно сказать, сейчас он во всеоружии. Плюс имея такого помощника, как Лихарев. Тот-то по-прежнему понятия не имеет, кто теперь у него в «партнерах».

Нет, поиграем, поиграем, даже забавно: граф Монте-Кристо снова возвращается в свой, но – чужой ему мир. Сокровищ кардинала Спада, увы, нет, и общественно-политическая обстановка несколько иная. Тем интереснее...

Глава вторая

Другой Шульгин обалдело покрутил головой. Все-таки слишком много непонятого свалилось на него сразу, и *связности* в происходящем гораздо меньше половины. Он был совершенно уверен, что только что беседовал с Лихаревым и Дайяной на достаточно важные темы. Потом решил, что нужно дать им возможность перемолвиться наедине, обменяться мнениями, вдруг да и выболтать нечто интересное и важное. Встал и вышел, оставив вместо себя заблаговременно спрятанный в шкафу и включенный магнитофон. Самый обыкновенный кассетник «Сони», на батарейках, жуткий дефицит в начале восьмидесятых, в комиссионке можно было приобрести только по большому блату. Или, как Левашов, за границей купить. Встроенный микрофон там весьма чувствительный, в пределах комнаты любой звук берет. По мнению «того» Шульгина, устройство слишком примитивное, чтобы его можно было обнаружить какими-то агтрианскими детекторами, если они у них вообще при себе имелись.

А сейчас вот снова ощущал себя как внезапно разбуженный человек, не успевающий зафиксировать только что виденный сон. Только обрывки, да и то стремительно теряющие хоть какую-то осмысленность и последовательность. Еще помнилось, что несколько мгновений назад он ощущал себя тем Сашкой, который прожил годы и годы, участвовал

в событиях, вкратце обрисованных Антоном, говорил с аграриями именно с его позиций. И вот, кроме смутного ощущения однажды уже прожитой жизни, — ничего конкретного. Он снова — только «первый», с личными воспоминаниями, обрывающимися сначала на ночи в доме Сильвии, а потом — прощальном разговоре с Антоном и провале в состояние, похожее на скоропостижную смерть.

Вот он сидит на перилах галереи, в пальцах дымится почти сгоревшая сигарета. Полная тишина, никакого шевеления вокруг, и в доме тоже тихо. Даже собаки успокоились, разлеглись по двору, кто где вздумал, иные подремывают, иные занимаются нормальными в «мирной обстановке» делами — почесываются, ищут блох и тому подобное. Значит, действительно в ближних окрестностях чужих не чувт.

Ну-ну. Очередное перемыкание матриц и реальностей? Случайное или целенаправленное? Не нам судить. А все же...

Про включенный магнитофон он удивительным образом помнил вполне отчетливо. И о том, что довольно скоро придется возвращаться в Москву тридцать восьмого. Как он сюда попал — тоже. Он явно не использовал оставленную Сильвией формулу перехода на Валгаллу, да и с Антоном они так не договаривались. Форзейль в принципе согласился, что вариант с имитацией ухода Шульгина может открыть совершенно новые горизонты игры, но, кажется, подразумевалось, что предварительно он подумает, просчитает варианты, на-

метит стратегию и тактику прикрытия, и лишь потом...

Сам Сашка тоже никуда не торопился, имел кое-какие предварительные соображения, которые следовало обмозговать не торопясь, в более спокойном расположении духа. Буквально несколько минут назад, стоя с чашкой кофе в руках у подоконника, он любовался картиной вновь обрушившегося на Москву рождественского снегопада. И думал о том, что запасной выход у него всегда остается. Как бы ни сложилась судьба у них с Шестаковым, позволит Сталин реализовать далеко идущие планы или решит проблему привычным способом, уйти на Валгаллу он успеет, если, конечно, не получит, вроде Кирова, пулю в затылок в самый неожиданный момент. Тогда никакой гомеостат не поможет, даже если бы он и был. Но это такой вариант, от которого никто не застрахован. Можно не принимать во внимание...

В памяти отпечаталась последняя сформулированная мысль: «Главное, господа, война продолжается, и очень я вам не завидую, если вы меня по-прежнему держите за аборигена Кокосовых островов».

Кому эта угроза адресовалась, Антону, Лихареву с Дайяной и Сильвией или непосредственно Держателям, он и сам не успел понять.

Головокружение, вспышка тьмы – и он уже снова был самим собой, тем самым, что отправился по просьбе Антона на встречу с леди Спенсер в Лондон восемьдесят четвертого (или уже восемьдесят пятого?), и одновременно пережив-

шим события двадцатого – двадцать четвертого, побывавшим в Австралии и Москве две тысячи пятьдесят шестого... Шел по дорожке навстречу возникшему на поляне Лихареву.

Ощущение было странное, но не очень. Ничуть не более удивительное, чем при пробуждении в камерке Нерубаевских катакомб.

Он только начал осваиваться, известным уже способом пытаясь совместить наличную матрицу (а что это была именно матрица – очевидно) со своей же, но более опытной, а значит, и более мощной.

И очередной срыв.

Доминирующий Сашка исчез, более того, исчез, прихватив с собой и общее тело, а он – остался, теперь уже в физическом облике наркома. Насколько он, конечно, физический – большой вопрос. Тут уж ничего не угадаешь наверняка. Находясь внутри фантомата (по Лему), или Ловушки Сознания (по собственному опыту), судить о степени реальности окружающего невозможно. Остается поступать в соответствии с тем, как ты сам ко всему этому относишься.

Шульгин вернулся в зал. Следы недавнего пребывания здесь трех человек – вот они. Посуда на столе, бокалы, бутылки. А отражение в зеркале – не то. Память сохранила его собственный облик, только в стильном «спортивном» костюме середины двадцатых, сейчас же он снова видел ставший привычным фенотип Шестакова. Его лицо, костюм, сапоги. Для сна – вполне нормально, там подобные метаморфозы

происходят постоянно, хорошо еще, что женского тела ему не всучили. В этом случае сложностей бы значительно прибавилось.

Но дело совсем не в этом. Сашка с удивлением отметил, что абберрация памяти у него распространяется и на события, никаким образом не связанные с нынешним сюжетом разыгрываемой драмы или трагикомедии... Он ведь совершенно отчетливо помнил последний бой на остатках Форта. Аггры, прилетевшие на гравибронеходах, носили белые «времязащитные» скафандры и гравитационные ружья. Он до последнего отстреливался из «ПК» и нескольких успел поразить, а они начали в ответ гвоздить по терему так, что бревна и крыша порхали по небу, все вокруг рушилось, Левашов буквально в последнюю секунду протолкнул их с Ларисой в межвременной тоннель, и тут же обвалились бетонные перекрытия подвала.

Пробившись в Замок, они, все трое, единодушно утверждали, что Форт разрушен практически дотла. Ни малейших сомнений в этом ни у него самого (хотя как раз ему в горячке последнего боя могло примерещиться всякое, особенно когда доской по голове ударило), ни у Олега с Ларисой не было. Все видели и ощутили одно и то же.

Потом, когда уже вытащили с Базы и из сорок первого года Новикова с Берестиным, часто горевали, что нет больше их любимого Форта, отчего и возвращаться некуда и незачем. Другие причины тоже были, конечно, но главная все же

– никому не хотелось пытаться еще раз входить в ту же реку...

А вот, оказывается, повреждения на самом деле оказались отнюдь не катастрофическими, пусть следы ремонта и заметны, но почти косметического. Было снесено несколько секций ограды, часть крыши над южной стороной окружающей второй этаж галереи, несколько резных опорных столбов. Перебита пополам открытая мансардная лестница, вылетели стекла витражей. И все, пожалуй. Но и эти повреждения уже были устранены, пусть и наскоро. Как если бы вместо столяров – золотые руки здесь потрудились армейские саперы. Без попытки сделать «так, как было», но достаточно прочно и надежно. Зиму перезимовать можно.

Значит, приходили сюда ребята, с ним или без него. Когда и как – он не помнил, но верил словам Антона и «другой» Сильвии, что за четыре, кажется, года, которые «альтер эго» прожил самостоятельно, они здесь бывали, встречались с Дайяной и вроде бы доставили ей серьезные неприятности.

Это, конечно, здорово, только вот какая чепуха получается...

Шульгин наскоро осмотрел жилые помещения терема. Со свойственной ему наблюдательностью и почти абсолютной зрительной памятью установил, что по внутреннему времени планеты здесь прошло никак не больше месяца. Россыпи гильз его пулемета, тут и там поблескивающие в траве от ворот и до самой веранды, почти совсем не потускнели. Там,

где производился ремонт, интерьер, конечно, нарушен капитально, но в спальнях, кабинетах, малой гостиной все сохранилось в первозданном виде. Слой пыли на предметах тоже соответствует именно этому сроку. Похоже, некоторое время в доме проживали два или три человека. И можно угадать – кто именно. Андрей наверняка, в его комнатах следы пребывания наиболее очевидны, и ясно, что был здесь именно хозяин, никто другой. Случайный постоялец обращался бы с имуществом и предметами обстановки совсем по-другому.

В спальне Ларисы кто-то рылся в ее платяных шкафах, причем вряд ли она сама, вид был такой, будто в вещах ковырялись наугад. Ища «то, не знаю что». Если учесть, что в комнатах Андрея использовались обе кровати и остались забытыми кое-какие дамские вещички да от простыней и подушки исходил едва уловимый, но безусловный запах духов, значит... Явно это была не Ирина, не Лариса, тем более не Наталья... Простейшая дедукция – женщина с пропорциями Ларисы, которой потребовалась одежда соответствующего размера, ему известна только одна. Уж он-то имел возможность наблюдать ее во всех видах, вплоть до полной обнаженности. Интересно, что же Новиков делал здесь с леди Спенсер? Выполнял свою часть задания? Допустим, узнав, что у Шульгина не вышло, Антон подключил к интриге Андрея? Трудно так сразу поверить, но что они здесь были вдвоем, и не один день, – факт. Ну да ведь она сама писала, что перешла на сторону бывших врагов...

Черт, неужели друг-приятель не оставил ему хоть записочки, хоть какого-нибудь намека?

Он приступил к повторному осмотру, точнее, теперь уже настоящему обыску. И кое-что обнаружил. В его кабинете клинком наградного эсэсовского кинжала с надписью «Ал-лес фюр Дейчланд» был вскрыт запертый верхний ящик письменного стола. Здесь он в предвидении самых неожиданных жизненных коллизий хранил позаимствованную из своего института богатую коллекцию всевозможных психотропных веществ, транквилизаторов, наркотиков и ядов. Мало ли чью психику потребуется подкорректировать или кардинально изменить в грядущих тайных и явных войнах с людьми и пришельцами. Среди его препаратов были такие, что не имели в мире аналогов по силе и избирательности действия. И Новиков об этом знал. Моментами, еще в «нормальной» жизни, прибегал к Сашкиным услугам. Когда, например, требовалось добиться благосклонности особо неприступной подруги. Или замужней дамы, отягощенной неуместными моральными принципами.

Но были там вещества и совершенно противоположного действия, полезные для подводников, антарктических зимовщиков и неуверенных в своей выдержке разведчиков и дипломатов. Даже цивилизованные шейхи, не желающие использовать для присмотра за своими гаремами настоящих евнухов, могли бы с Сашкиной помощью доверить жен попечению хоть самого Казановы.

Именно такой препарат Андрею и понадобился, причем в дозировке примерно на неделю ежедневных приемов. Вот тебе и знак – вольно или невольно Новиков сообщил, что выполняемая им здесь работа требовала полной невосприимчивости к чарам аггрианки и, одновременно, что никакой иной угрозы он для себя не видел, в качестве личного оружия ограничился «узи», тем самым, с которым они впервые шагнули на почву планеты.

Что касается чар – Шульгин имел достаточное представление, сколь непреодолимыми, увлекательными и опасными они у Сильвии могут быть. Соответственно, Андрей, памятуя о печальном Сашкином опыте, решил себя обезопасить. Как говорил один из персонажей византийской истории, евнух-полководец Нарзес: «Ум евнуха неизмеримо превосходит по остроте отягощенный низостями ум мужчины».

Интересно бы узнать, какие вопросы они здесь решали? Проводили на местности рекогносцировку последствий взрыва информационной бомбы? Или Новиков на завершающем этапе перевербовки демонстрировал аггрианке бессмысленность дальнейшей конфронтации?

Жаль, что так быстро улетучилась память Шульгина-второго! Или все-таки вторым следует считать себя, поскольку «тот» в гораздо большей мере сохранил *непрерывность* их общей личности?

Ладно, пока подождем, именно что пока. Подкорка – она свое дело знает, глядишь, всплывет нечто непредусмотрен-

ное...

Сашка рассовал по карманам коробочки с порошками, таблетками и капсулами. Если он явился здесь в физическом облике и одежде Шестакова, велики шансы на то, что так же и вернется обратно. А в новой жизни эта психофармакология будет далеко не лишней. Сталинскую Москву смело можно сравнить с той же Византией или Италией эпохи Борджиа и их партнеров. Кто знает, на кого и как потребуются повлиять, особенно в ситуации, когда никаких других достижений цивилизации конца XX века в его распоряжении не будет. Ирина, Сильвия и прочие имели к моменту *инфильтрации* в качестве неременной экипировки гомеостат, портсигар, Шар. Он же – ничего, кроме собственных мозгов и приличной физподготовки.

Разумеется, тот же гомеостат он, в случае нужды, сможет позаимствовать у Лихарева, да и прочими устройствами воспользоваться, но вряд ли всегда и с гарантией. Может выйти совсем наоборот.

Из имевшихся в кабинете стволов личного арсенала выбрал «томпсон». В предложенных условиях оптимальное (на его вкус) оружие самообороны по сочетанию компактности, мощности и боезапасу. В случае внезапного встречного боя в пределах внутренней территории Форта ничего лучше не придумаешь. А мало ли кто или что здесь может появиться? Проверил, гладко ли ходит затвор, не загустела ли смазка в улитке диска. Бывает такое, тогда автомат клинит в самый

неподходящий момент. Капнул, куда нужно, веретенки, протер чистой ветошью. Прихватил сумку с двумя дисковыми и двумя коробчатыми магазинами. На поясной ремень повесил кобуру с пятнадцатизарядной девятимиллиметровой «береттой».

На душе стало спокойнее. Надежное оружие и против агров, и против людей, для местных хищников сгодится, что же касается существ сверхъестественных, так в них он верил мало. Если же появятся порожденные Ловушкой – в любом случае схарчат, имея соответствующее задание. С оружием ты или без оного...

Он решил, перед тем как заняться собственными делами, покормить собак. Как они тут сами обходились, брошенные хозяевами?

Однако выглядела свора отнюдь не оголодавшей, собаки, как тут же и выяснилось, нашли лаз в продовольственный склад и питались по преимуществу рационами армейского «НЗ», раздирая картонные коробки и съедая подчистую все, за исключением салфеток и туалетной бумаги. По количеству разбросанных внутри склада и в его окрестностях упаковок было видно, что друзья человека себя не ограничивали. Только вот консервные банки с тушенкой вскрывать не научились, и Сашка щедро вывалил перед каждым псом по паре килограммов отличного мяса, какое в советское время доставалось только полярникам да лицам, «имевшим доступ».

Удивило его то, что чуткие животные, наделенные собственной модификацией разума, не воспринимали Шестакова за чужого. Отнеслись ровно так, как к настоящему Шульгину или любому из их команды. Неужели биотоки мозга воспринимают и считают их более квалифицирующим признаком, чем запах и внешний вид? По всему выходит, что так.

Он потрепал каждого пса по мощному загривку, дал команду: «Охранять», – и удалился в дом. Теперь можно не беспокоиться, извне никто не подберется внезапно.

А если изнутри... Ну, об этом уже сказано.

Заставив себя вообразить, что ничего из уже случившегося еще не произошло, что все идет, как шло, просто друзья отлучились по собственным надобностям, кто в леса, а кто в Москву, Сашка, не представляя, сколько времени ему отведено, делал то, что привык. Что диктовала обстановка.

Если его вздумают так же внезапно выдернуть отсюда – не возразишь. Но, видимо, до тех пор, пока не случится *нечто*, ради чего и разыгрывается очередная мизансцена, ему будет позволено остаться. Более того, вздумай он уйти по собственной воле – вряд ли отпустят.

Он давно понял, что не следует преувеличивать степеней собственной свободы. Да, он и его друзья поступали так, как считали нужным, и действия их почти всегда были успешными, но в то же время сами обстоятельства формировались

кем-то таким образом, что выйти за пределы очерченного круга не удавалось. Якобы случайно, но число «случайностей» значительно превышало допустимый уровень. Лабиринт, все они в лабиринте, разве что он так обширен, что создает иллюзию безграничности и, следовательно, почти безграничной свободы. А разве и в обычной жизни все обстоит сколько-нибудь иначе?

Он спустился в «машинное отделение». Здесь картинка оказалась более печальной, чем наверху, хотя, казалось бы – бревенчатый терем и защищенный бетонными перекрытиями подвал несравнимы по прочности. Но направленный под непонятным углом, скорее всего – с воздуха, удар гравитационной пушки сорвал с ригелей и обрушил вниз многотонную плиту, которая легла как раз на дизели. На оба сразу. Каким-то чудом не повредив систему подачи топлива. Иначе б, конечно, взрыв и пожар оставили от терема только золу.

Очевидно, этот именно удар, едва не накрывший Олега, до последнего управлявшего пультом СПВ, они и восприняли за смертельный для Форты. На самом же деле – ничего страшного. На три дня работы. Бригаде из шести человек с необходимой техникой. А в одиночку ничего не сделаешь, без вопросов. Но мы тоже не дураки. Это Андрей, интеллигент-гуманитарий, посмотрел, матернулся и предпочел перейти на керосиновое освещение, а технарю-любителю, который сам из ржавых железок восстановил в первоначальном виде трофейный немецкий «Цундап», отступить негоже. А с

ним еще и настоящий инженер-механик Шестаков.

Всего и делов – имелся в боксе для боевой техники пармовский¹¹ дизельгенератор на колесном шасси. Мощности хватит на что хочешь – на сварку, на освещение, на зарядку аккумуляторов. Для энергоснабжения Форта тем более достаточно. Шульгин снова порадовался, что когда-то вел себя подобно Робинзону на затонувшем корабле. Тащил в нору все, что в голову приходило и под руку подворачивалось. Тот же генератор.

Повозился полчаса, разогнал движок, из двухтонной цистерны наполнил бак, бросил временный кабель к распределительному щиту – и пожалуйста. При необходимости можно и зимовать, если придется. Вода есть, свет есть, не только на внутреннее освещение, но и на прожектор, на электрозабор хватит. А то и на дубликатор, и чтобы запустить установку СПВ. Правда, обращаться с ними Сашка не умел, но видел неоднократно, как это делает Левашов, и надеялся, что с помощью Григория Петровича разберется, возникни настоящая нужда.

Здесьнее солнце едва коснулось верхушек леса, а он уже закончил ремонтно-восстановительные работы, затопил камин в малой гостиной, собрал непритязательный ужин. Что нам, солдатам? Большая банка свиной тушенки с гречневой кашей, соленые огурчики-помидорчики, абсолютно не

¹¹ ПАРМ – полевая авторемонтная мастерская.

зачерствевший в вакуумной упаковке хлеб. Остуженная во вновь заработавшем холодильнике водка, из спеццеха, снабжавшего исключительно Кремль и ЦК. Тут он усмехнулся: Григорий Петрович должен быть доволен, этим продуктом его тоже уболаговторяли регулярно, не поняшь только разницы во вкусе. Лучше в те годы была «Столичная», чем нынешняя «Посольская», или же нет? Вряд ли угадаешь, нормальный хлебный спирт, родниковая вода и разведение по Менделееву – если по уму сделано, от этикетки не зависит.

Хорошо-то как, подумалось Шульгину. Для чего все – чины, должности, заботы о судьбах державы и Вселенной? Всю жизнь, подобно Робинзону, в одиночку, может, и скучно провести, а несколько недель – с нашим удовольствием. Чтобы никто не мешал и не приставал с дурацкими идеями. Как бы хорошо утром на берег спуститься, катер наладить, застоялся, наверное, «Ермак Тимофеевич», да и отправиться, подобно Уильяму Уиллису или Фрэнку Чичестеру, в одиночное кругосветное плавание. Круговалгалльское, точнее. Наверняка ведь Большая река впадает в какие-то моря, те – в океаны, и так далее. А может быть, и нет здесь никаких океанов. Не удосужились друзья изучить планетку, не успели просто. Может, вся она – единый континент, прорезанный исключительно большими и малыми реками. Не появись тогдашним утром в небе дирижабль Сехмета, так, может, и жили бы здесь спокойно, изучая валгаллографию, составляя карты и атласы, не спеша продвигаясь до краев Ойкумены.

Приятно было размышлять на столь возвышенные темы, глядя на пляшущее в закопченном жерле камина пламя, на книжные полки от пола до потолка, на кожаные корешки, та-ящие за собой спрессованную мудрость тысячелетий... Хорошо бы дождь сейчас пошел, ровный, сплошной, гремящий по крыше и козырькам подоконников, чтобы на двадцать ша-гов ничего не увидеть и грунтовые дороги немедленно раз-везло так, чтобы не пройти, не проехать даже и на гусенич-ной технике.

И, словно повинувшись этому желанию, дождь немедленно посыпался с неба. Сначала робко бросил первые капли на стекла, потом быстро разгулялся до нужной кондиции. Ни-чего, честно сказать, удивительного в этом не было. Дожди на Валгалле и в прежние времена начинались внезапно, шли часто, не хуже, чем в Батуми и Ленинграде, а все-таки... То ли намек, то ли исполнение заказа.

Точно так же внезапно начался дождь, когда они устро-или первый банкет после завершения строительства, когда появились здесь Лариса с Натальей.

Галерею прикрывала широкая наклонная крыша, под ней не страшны были ставшие жесткими ливневые струи, брыз-ги и те не доставали. Бесконечная ночная мгла простира-лась вокруг, окружала Форт, сжимала гигантское дикое про-странство до нескольких сот обжитых квадратных метров. Только ограда отделяла цивилизацию от вечности, не знаю-щей календаря. Сколько там миллионов лет насчитывал на

Земле кайнозой, шестьдесят, кажется? И все несчетное количество дней родная планета была точно такая, как эта, со всеми своими пейзажами, морями, реками, только без людей. Вот и сейчас...

Жутковато, в общем-то, если всерьез задуматься.

Один на целой планете. Это вам не островок Хуан-Фернандес.

Шульгин, попыхивая сигарой, обошел галерею по периметру, вглядываясь и вслушиваясь в шелестящее безмолвие, вернулся на прежнее место. За время неторопливой прогулки успел сообразить, что именно ему следует сделать. Не тратя времени на сон. А то ведь и вправду можно не успеть. Если ему подброшена задачка на сообразительность, надо ее решить нетривиально и с блеском. Иначе сочтут, что не годен, и выбросят обратно.

Минуту назад опасался, что придется здесь зазимовать, а теперь испугался совсем противоположного.

Как правильно он сделал, что запустил генератор. Дизелек на постоянном газе рокотал, почти уже и неслышный, только ветром иногда накидывало горький запах выхлопа. Солярки в цистернах на полгода хватит, дальше видно будет. Освещение – бог с ним, на самом деле можно было и свечами обойтись, а вот компьютер сейчас необходим. Левашов и Новиков по известным им сетям и каналам давным-давно скачали десятки тысяч страниц недоступных в советской стране ис-

торических книг и документов, хранившихся в библиотеках и спецфондах Лондона, Вашингтона, Парижа, касавшихся в том числе интересующего Сашку периода.

Тут, кстати, следовало сказать спасибо и Ларисе. Она ведь, кроме всего прочего, была еще и аспирантом историко-архивного института, занималась (по закрытой теме) вопросами антирусской дипломатии конца XIX – начала XX века. Когда узнала о реальных возможностях своих новых друзей, немедленно потребовала извлечь и предоставить ей все, о чем могла только догадываться или слышать от надежных людей. Профессоров, доцентов, «выездных» или каким-то образом прикосновенных к поступавшим прямиком в спецхраны заграничным журналам. Все же прочие были обречены создавать свои диссертации, бесконечно переписывая и перефразируя десяток-другой «высочайше одобренных» монографий и трудов «основоположников», да и то не в полном объеме. Маркса с Энгельсом, например, дозволялось цитировать только по изданиям ИМЭЛ.¹² Что не переведено при советской власти или просто не «залитовано»¹³ – крамола.

Однако Маркс с Энгельсом, при всей их оголтелой русо-

¹² ИМЭЛ – Институт Маркса – Энгельса – Ленина, высочайшая и единственная инстанция, имевшая право публиковать и иногда комментировать труды «основоположников».

¹³ Залитовать – эвфемизм советского периода, означающий «получить разрешение цензуры на публикацию», от сокращения «ЛИТО» – «литохранилище», т. е. «охрана государственных тайн в печати».

фобии, Шульгина сейчас не интересовали. Ему достаточно было прочитанной в юности энгельсовской «Истории винтовки». И тех трудов, что требовались по программе кандидатского минимума. А сейчас нужно было все, что имелось по сталинскому периоду, с тридцатого до сорок первого. Его-то теоретическая база, кроме разговоров с Андреем после возвращения, состояла лишь из опубликованного после XX съезда. Прозы, публицистики и кое-каких партийных постановлений, практического значения не имеющих. Примерно то же самое, что готовиться к оперативной работе против (и в окружении) кардинала Ришелье, опираясь на романы Дюма. Забавно, но бессмысленно.

Шестаков тоже мог помочь мало. С его позиции картина периода, в котором предстояло вести смертельную игру, выглядела столь же примитивно и *заданно*. Нарком знал только то, что касалось лично его и что писалось в документах партии и правительства, пусть и предназначенных «для служебного пользования». Еще конфиденциальные беседы с коллегами, отфильтрованные до крайности, слухи, анекдоты. И вся его информация, достоверная и не очень, заканчивалась январем тридцать восьмого. А дальше?

Хитросплетения внутренней и внешней политики, события столь близко касавшейся Шестакова гражданской войны в Испании, взаимоотношения литвиновской дипломатии со странами Запада, Хасан, Халхин-Гол, предыстория пакта Риббентроп – Молотов, смысл и цели третьей, уже бериев-

ской волны репрессий против тех, кто благополучно проскочил первые две... Все это будет потом.

А уж о том, что творилось (на самом деле) в означенное время в кулуарах правительств и руководящей элиты противостоящих сторон («Антанта» и «ось Берлин – Рим – Токио»), он вообще понятия не имел. Не учили у нас этому.

Не зная всего этого, затевать большую игру с Иосифом Виссарионовичем было бессмысленно. В лучшем случае будешь пешкой в руках того же Антона, который в пику Дайяне и Лихареву мечтает использовать Шульгина в собственных целях.

– А вот хрен что у вас получится, господин «тайный полсол», – вслух произнес Сашка в некоторой надежде, что Антон его услышит. – Мы и сами как-нибудь...

Хорошо, что Антон подарил ему перед визитом к Сильвии блестящее знание английского, немецкого и еще нескольких необходимых в его положении языков. Теперь он мог читать в оригинале справки и отчеты разведок и посольств, изданные по горячим следам событий в СССР монографии и статьи. Пусть не всегда достоверные и беспристрастные, но содержащие ценный фактический (и – что еще важнее – психологический материал).

Далеко за полночь он закончил отбирать и компоновать интересующие его сведения и мнения, не все, конечно, но наиболее важные, постоянно подкрепляя себя густым шестидесятиградусным ликером «Селект», запиваемым глот-

ком столь же густого кофе. Вдруг понял, что все – хватит, включил лазерный принтер и отправился подышать свежим воздухом. Ощущал он себя крайне усталым. Успеет машина отпечатать все, что нужно, или нет, а в память себе он и так загнал жуткий объем информации. Хорошо, если сохранится, тогда у него будет база для дальнейшей, изысканной работы.

Сел на крыльце под навесом, прямо на влажные ступеньки. Совсем, кажется, недавно сидели они здесь, отмечали окончание постройки. Веселые, довольные, гордые собой. И никому в голову не приходило, к какому водовороту все ближе и ближе подносит их «утлый челн», выражаясь высоким штилем. Все еще было впереди, включая прекрасную вечеринку по случаю основания Форта Росс, где впервые встретились все основоположники «Братства».

Какого братства? Вроде так они себя не называли. И тут же краем сознания промелькнуло, что да, появился этот термин – «Андреевское братство», но гораздо позже, не в его жизни. Опять эта проклятая раздвоенность. Лучше бы уж не помнить вообще ничего, чем так, как сейчас. Теперь он хорошо понимал своих пациентов, страдавших разными формами амнезий, конфабуляций и иных поражений сознания.

Ну ничего, ничего, потерпим. Рано или поздно это кончится, просто исходя из предполагаемых правил игры. Может быть, так даже нужно, излишние знания, особенно знание будущего, могут только повредить исполнению миссии.

Вон, Сильвий сейчас, по самым грубым подсчетам, не менее трех, и они основательно запутались даже в собственных взаимоотношениях.

Да, кстати, спохватился он, а невредно бы послушать, о чем беседовали Дайяна, Лихарев и он сам до его же здесь появления. Память оживится, или вообще нечто новенькое для себя узнает.

Вытащил наружу магнитофон, перемотал ленту назад.

Так, сначала обыкновенная, в привычном стиле болтовня с Дайяной, не несущая фактического смысла, но направленная на то, чтобы заставить партнера хоть что-нибудь отвечать. А дальше уже дело техники.

Длинная пауза, это он вышел из комнаты. Судя по звукам, аггрианка встала из-за стола, сделала несколько шагов по залу, снова пауза. У окна стояла или книжные полки рассматривала. Опять шаги, звук передвигаемой посуды.

Затем шаги за дверью, голоса. Это вошли они с Лихаревым. Обрывок сказанной его голосом фразы о том, что в восемьдесят четвертом году потерянное тело прибыло сюда, чтобы забрать владельца домой.

Получается, «тот» Шульгин продолжает придуманную с Антоном схему дезинформации. Но отсюда следует – очередное соединение и наложение матриц уже случилось, хотя и одностороннее. Его двойник, оказавшись здесь, уже знал и помнил все, и за себя и за него. Как это было сделано? В тот

краткий миг, когда он почувствовал себя дурно, с его мозга сняли очередную копию, перебросили ее туда, где находился Шульгин-второй, совместили, после чего физическое тело доставили сюда. Всего на десяток-другой минут. И вернули обратно. Зачем? Исключительно для того, чтобы убедить аггров, что Шульгина в Шестакове больше нет, и заодно привести их в изумление своими безграничными возможностями. Допустим. Противник убежден и одновременно деморализован.

Заодно можно допустить, что никакого «другого» Шульгина здесь не было, а был фантом, наведенная галлюцинация, в натуральном же виде в Форт доставлен, только и единственно, он сам.

Не очень сходится, кто-то же включил магнитофон?

Впрочем, это как раз не вопрос. Тот, кто все устроил, тот и включил. Небось попроще, чем все остальное. Но вообще удобнее исходить из допущения, что все было именно так, как выглядело.

...Почти получасовой разговор его, Дайяны и Лихарева, из которого он узнал много интересного как о противниках, так и о себе самом – неизвестно какой реинкарнации.

А пленка продолжала разматываться.

Вот последние его слова, обращенные к Валентину: «... встретил ты главнейшую из главных, докладывай, что собирался, а я и выйти могу, мне ваши секреты вон где... Мне бы домой поскорее вернуться...»

Стук каблуков по деревянному полу, хлопок двери, короткая пауза.

Еще несколько минут прощального, одинаково бессмысленного для бывшей начальницы и ее подчиненного разговора. Вроде дежурной речи от имени месткома на похоронах сослуживца.

Пауза, звук шагов. Судя по времени, Лихарев дошел до входной двери и вернулся. Жалко, что Левашов не удосужился видеокамерами их терем оснастить.

– Что бы это значило? – слегка растерянno спросил Валентин.

– Да ничего. Фантом, призрак или та самая «пересадка». Его земное тело было прислано, чтобы встретить информационный сгусток матрицы. Мы успели, случайно или нет, стать очевидцами...

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Зачем мы сейчас втроем сошлись здесь? Должен ведь быть какой-то смысл, цель, сверхзадача?

– Вполне возможно. Только нам об этом не сказали. Так что прощайте, Лихарев...

В этот момент оба собеседника, наверное, просто растворились в воздухе, в мировом эфире, ушли в астрал или межвременной переход. Как хочешь, так и назови. Но пленка домоталась почти до самого конца в полной тишине, пока на ней не зазвучали другие, чем у Шульгина и у Лихарева, шаги. Размеренные, тяжелые, шестаковские, громкий звук отодви-

гаемых книг, за которыми стоял магнитофон. Щелчок переключателя, и теперь уже окончательно все.

Ничего особенно нового и неожиданного Сашка не почерпнул из этой записи. Да, конечно, память оживилась, Дайяна подтвердила, что после их акции на Базе все для аггров, как организованной военно-политической силы, кончилось. И главная метресса на самом деле ощущает себя подобно оставшемуся в джунглях Филиппин или Суматры самураю, через много-много лет после капитуляции достреливающему свои последние патроны из ржавой «арисаки» по случайным автомобилям на горной дороге.

Тоже убеждена, что ныне происходящее определяется не ею, не форзейлями, а пресловутой «третьей силой».

Ему-то сейчас какая личная польза от такого знания?

Вообще-то кое-какая есть.

Например, он услышал, что эта Дайяна посоветовала Лихареву держаться подальше от него, Шульгина. В принципе понятный совет. Но она же оговорила, что у Валентина в тридцать восьмом есть своя Дайяна и своя Сильвия, которых ему по-прежнему предписано считать начальницами. Трудновато парню придется, если память об этой встрече у него сохранится. Знать, что пусть через целых пятьдесят лет, но твое существование непременно потеряет смысл, не намного лучше, чем получить информацию о дате собственной смерти.

Либо он сорвется с катушек прямо сейчас, либо продол-

жит работу, но наверняка через силу, и скорее всего вольно или невольно двинется по Иркиному пути. Значит, вернувшись обратно, с Лихаревым придется быть поосторожнее, кто знает, что ему может прийти в голову.

Шульгин рассмеялся. Увлекательно все же жизнь складывается.

Спать сейчас лечь было бессмысленно, если сказать честнее – и страшно вато тоже. Когда бодрствуешь – оно как-то проще. Опасность можно встретить в здравом уме и полной боеготовности. Пусть она ничего не решает и не значит, когда имеешь дело с «высшими силами».

Да какие они, на хрен, высшие, вдруг взъярился Сашка, если ни одни, ни другие, ни третьи ничего без нас решить и сделать не могут? Как английские колонизаторы в Индии без тамошних махараджей, племенных вождей, духовных авторитетов и сипаев с сикхами и гурками. Пока те соглашались им помогать, исходя из собственных интересов, «жемчужина Британской короны» прочно держалась на месте, а появился некий Махатма Ганди – и амбец!

Кроме того, здравый смысл подсказывал, что, если он и его друзья успешно существуют и функционируют после восьмьдесят четвертого в двадцатых, а он, соответственно, здесь, и Сильвия пишет ему письма в тридцать восьмой, и по-прежнему Дайяна мечется между мирами, опасаться ему фактически нечего. Иначе б давно все реальности схлопнулись, вообще ничего не осталось, кроме, скажем, того вече-

ра, когда они с Андреем и Олегом сели играть в преферанс под пиво и раков.

Принтер закончил печатать, жалобно помаргивал лампочкой. Солидная груда горячих листов громоздилась на лотке. Сашка просмотрел. Нормально. Две с лишним сотни. Кроме сжатого, но достаточного для практической работы конспекта сталинской политической биографии на три ближайших года (далее – ни к чему), там содержалась и хронологическая роспись внутренней, европейской и общемировой истории на тот же период, реальные (насколько возможно) данные по экономике и военно-стратегическим потенциалам СССР, прочих влиятельных игроков на мировой шахматной доске. На первый случай хватит. Подобной информацией не располагают ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Гитлер, а тем более – Иосиф Виссарионович. Дотащить бы эти бумаги и собственные воспоминания до Москвы, а там посмотрим, господа. Неплохо бы, конечно, выйти сейчас на связь с Антоном, уточнить диспозицию, так ведь тот эстет появляется только тогда, когда ему самому позарез что-то нужно, причем обставляет так, будто оказывает бескорыстную помощь.

Ничего, и с ним разберемся при случае.

Можно, конечно, попытаться, сделать очередное ментальное усилие. Да и капсулка его, удобный инструмент связи, при нас. Раз она есть, то рано или поздно заработает. Вопрос только – когда *мне* будет нужно или *ему*?

Но это не самый срочный вопрос.

Сильно захотелось спать, но наперекор себе или еще кому-то Сашка в третий уже раз вышел на улицу. Дождь не утихал. Сесть бы сейчас за рычаги привычной МТЛБшки да погонять часик-другой по знакомым окрестностям. Спугнуть с лежек прайд суперкотов, не стрелять даже, пусть живут, просто заставить размяться зверьков в свете фар.

Прислушался к себе – а вправду этого хочется? Погонять по прерии мохнатых хищников, каждый из которых видом домашний котенок, размером – гризли. Вроде как и нет. Или ему лень, или Шестакову, у которого совсем другие глубинные стереотипы.

Ну, нет так нет. Тогда и вправду спать пойдем, товарищ нарком.

Он сложил бесценную распечатку, можно сказать – «Книгу жизни», в офицерскую полевую сумку, перебросил через плечо ее ремешок, еще раз проверил содержимое карманов, сдвинул подальше к спине пистолетную кобуру и лег на кровать, как начальник караула, не раздеваясь. Уставом допускается отдыхать, ослабив ремень, расстегнув крючки и верхнюю пуговицу кителя, до середины голенища сдвинув сапоги. Не более.

Вот и он решил так же, на случай чего. И не ошибся. *Выдернули* его.

Вернулся он обратно на Столешников так же неощутимо, как до этого попал на Валгаллу.

Прежде всего осознал сам факт перехода, тут же проверил, удалось ли сохранить при себе бесценные документы и прочее имущество. Все было при нем. Значит, он правильно понял смысл случившегося и свою миссию. Примерно за этим его и посылали, а не для того, чтобы подогреть ностальгические чувства.

В квартире было пусто и гулко. Валентин еще не вернулся. Да по здешнему времени прошло едва ли полчаса. Нормально, старые принципы сохраняются. Раз так – хорошо, будем отдыхать как ни в чем не бывало. Утром разыграем задуманную интермедию и посмотрим, как поведет себя навязанный в партнеры товарищ.

Глава третья

Лихарев разбудил своего гостя ровно в полдень. Шульгин встал, чувствуя себя на удивление бодро, словно в один из осенних дней на Валгалле, когда еще не встретили они квангов,¹⁴ не узнали о присутствии на планете аггрианской базы. Когда все было просто великолепно. Рассветы над великой Рекой, прохладный, смоляной и хвойный воздух, ощущение полной свободы и безопасности, надежды на светлое будущее.

Удивительно, но только там в свои тридцать с небольшим лет Сашка узнал, что это такое – настоящая безопасность! Понятие в некотором роде иррациональное. Как будто в Москве ему что-нибудь по-настоящему угрожало? За исключением возможного наезда машины на перекрестке, упавшего с крыши кирпича или бандитского ножа под ребра в темном переулке за отказ дать закурить или просто так, от скуки. Совсем не в этом дело. Мало могло найтись в городе людей, не только пьяных придурков, а и хорошо подготовленных специалистов, которые сумели бы обидеть Шульгина. Кто пробовал – горько жалели. Или – жалели их друзья и родственники.

Дело совсем в другом. Кандидат медицинских наук, со-

¹⁴ Кванги – жаргонное наименование коренных обитателей планеты Таорэра, гуманоидов.

трудник полусекретного института, неплохой актер, спортсмен, знаток японского языка и восточных боевых искусств, в какой-то мере даже философ-конфуцианец, а моментами и буддист, Александр Иванович Шульгин с того дня, когда мать отвела его первого сентября в первый класс, не ощущал себя принадлежащим себе.

Нынешнему читателю это понять трудно. Пожалуй, и невозможно, если он не ровесник. Кто-то, может быть, слышал расхожую, превратившуюся в анекдот фразу: «Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Прыжок на месте – провокация. Охрана стреляет без предупреждения». Так это – чистая правда. В местах лишения свободы – абсолютная, в трехлинейную пулю воплощенная. В «свободной» жизни – опосредствованная. За примерно те же действия, пусть и иначе выглядящие, кара соразмерная. Исключение из октябрят, пионеров, комсомола, отказ в приеме в эти же организации, постоянная угроза обсудить на собрании, выгнать из школы, из вуза, не принять в аспирантуру, не дать сдать кандидатский, не дать защититься, защитившись, не пустить в «старшие научные» или доценты...

Да, господа, в самой что ни на есть гитлеровской Германии обычного человека не подстерегало столько опасностей, как в родном СССР. Чего стоит одна только возможность получить реальный тюремный срок за то, что сам прочитал и другим дал не какой-нибудь «Архипелаг ГУЛАГ», а невиннейшее в политическом смысле «Собачье сердце».

Зато, отбившись от «спецназа» аггров, переместившись на Валгаллу, они поняли, что наконец свободны, в абсолютном выражении. В полном соответствии с классиком марксизма здесь для них осуществились одновременно «свобода от чего-то» и «свобода для чего-то». Как минимум для того, чтобы каждый смог стать, кем мечтал сам или предназначала судьба.

– Отдохнули, Григорий Петрович? – заботливо осведомился Валентин, успевший привести себя в порядок, чисто выбриться и облачиться в привычную форму военинженера.

– Более чем, Валентин Валентинович. Какие у вас для меня предложения имеются?

– Да пока что никаких. Вот сейчас на службу отправлюсь, прозондирую обстановку. Сдается мне, нынче там много интересного происходить должно. За вас я не беспокоюсь, а вот с Заковским нужно вопрос как можно быстрее решать. Пока Хозяин не передумал или со стороны какую-нибудь неприемлемую фигуру не подсунули...

– А могут подсунуть? – с искренним интересом спросил Шульгин. – Мне показалось, что Иосиф Виссарионович вполне определенно высказался по этому вопросу...

Еще бы не определенно. Вместе с Антоном они крайне деликатно, но со всей возможной убедительностью внушили Сталину, что лучшего наркомвнудела, чем Леонид Михайлович Заковский, сорокачетырехлетний комиссар госбезопасности первого ранга, ему не найти. Человек с громадным

практическим опытом, «карьерный профессионал», начиная с восемнадцатого года ничем, кроме разведки и контрразведки (настоящей), не занимался, с политикой связан лишь с одной стороны – безоговорочно выполнял политические решения руководства, какими бы они ни были.

С точки зрения умного и дальновидного руководителя – идеальный начальник тайной полиции. Нужно только в окончательной, перед подписанием постановления, беседе отчетливо дать понять человеку, что данный пост – вершина его карьеры, что никаких иных вариантов рисовать себе не следует даже в мыслях и что личное благополучие, а также и физическое существование четко очерчено сроками жизни сюзерена. Впрочем, объяснять это чересчур подробно тоже не следует, если умный – сам поймет.

Судя по ответной реакции, Сталин ментальный посыл принял, внутреннего протеста или отторжения он у вождя не вызвал. Значит, Шестакову, если и его партия сложится удачно, предстоит налаживать с Заковским собственные отношения, достаточно конструктивные и доверительные, но ни в коем случае не имеющие оттенка «сговора». Это как раз не так уж трудно, с его-то знаниями и способностями.

Казалось бы, давным-давно, а на самом деле всего чуть больше двух недель назад Антон, активизируя Шульгину зоны мозга, нужные для одномоментного усвоения всего английского языка, а также истории, географии и культуры «страны пребывания», сказал ему, что при необходимости,

используя достаточно несложные приемы, Сашка может самостоятельно извлекать из своей памяти вообще любую содержащуюся там информацию.

То есть все, что когда-либо поступило в мозг через любой из рецепторов, там и хранится в «упакованном» виде. Другое дело, что более девяноста процентов информации так никогда больше не возвращается в сознание, а что с ней, информацией, делает подсознание – бог весть. Но что-то наверняка делает, отчего и возможны так называемые загадки и тайны человеческой психики.

Применительно же к Шульгину и его нынешнему положению указанный факт позволял ему свободно оперировать всем объемом сведений, относящихся к истории текущего века, как общезначимых, так и совершенно локальных. Он помнил (или мог вспомнить) абсолютно все когда-либо читанное, виденное или слышанное, в том числе и о Сталине и его окружении, канву исторических событий и хитросплетения мировой политики. Беда только, что информация эта была во многом или конъюнктурно препарирована, или просто сфальсифицирована в собственно сталинские, хрущевские и брежневские времена. Только вчера ему в руки попали, наконец, сравнительно достоверные документы, да и то... Факты все равно отбирались по определенным идейно-политическим критериям, выводы делались людьми, имеющими собственные пристрастия...

Но и того, что имелось, было достаточно, чтобы более-ме-

нее ориентироваться в вопросе. Плюс к этому столь же детально он мог анализировать память Шестакова (тут-то достоверных фактов куда больше), а также подробнейшие отчеты Новикова и Берестина, сопровождавшиеся прекрасным видеорядом.

– Что же, займитесь этим вопросом, Валентин. Интуиция мне подсказывает, что нас с вами ждут не очень простые и легкие времена и наличие «нашего» человека на Лубянке окажется очень невинным...

Лихарев опять не смог сообразить с ходу – самостоятельно Шестаков пришел к весьма опасным в его положении выводам или же опять сказывается остаточное воздействие личности Шульгина.

Очень, очень плохо, что он не имеет возможности убедиться стопроцентно в том, что в памяти наркома не осталось никаких следов от событий, которые случились, и слов, произнесенных в последние сутки. А было их настолько много, что...

Все доступные методики использовал, никаких отклонений не заметил. А вот поди ж ты, сосет под ложечкой странная тревога.

Он попытался прикинуть, как ситуация выглядит с точки зрения «нормального» наркома, понятия не имеющего о творящихся вокруг потусторонних делах.

После визита в наркомат, где Шестаков благополучно изъ-

ял из своего сейфа валюту и чеки, отбился от опергруппы, захватил в плен Буданцева и уехал с ним в Сокольники, имела место столь же неудачная попытка Лихарева взять реванш. Но нарком обезоружил и его. После чего Валентин активизировал в нем матрицу Шульгина, и дальше они уже общались напрямую.

Предположим, тесты «на идентичность» сработали правильно, Григорий Петрович действительно получил от Шульгина при прощании «замещающую информацию», которая «прижилась» на место, не оставив ни следа, ни рубца. Шестаков, насколько Лихарев вообще разбирался в людях и умел отличать правду от лжи, даже тщательнейшим образом замаскированной, совершенно искренне был убежден, что после возвращения из Сокольников на квартиру Валентина они вчетвером посидели за столом, снимая нервное напряжение и обсуждая случившееся. После этого легли спать. Утром Буданцев ушел к себе домой, Власьев уехал на кордон. Лихарев с Шестаковым встретились с Заковским, согласовали позиции, после чего отправились в Кремль.

Время, занятое в реальности разговорами Шульгина и Лихарева о сути и смысле агтрианско-форзейлианского противостояния, встречей с Сильвией и т. п., в памяти наркома было заполнено обсуждением чисто внутренних вопросов – о дальнейшей судьбе Шестакова, о Ежове, о докладной, которую Григорий Петрович подготовил для Сталина. Ее содержание, кстати, чрезвычайно интересовало Лихарева, он

не совсем понимал, для чего Шульгин подsunул ее вoждю без согласования с ним. И вeсьма хотел бы тщательно ознакомиться с ее содержанием. Здесь, казалось ему, крылась какая-то тайна. Для чего бы Шульгину, собравшемуся уходить, осложнять таким образом предстоящую жизнь наркома? Или же облегчать реализацию планов агтрианской резидентуры?

Однако добиваться ответа у Шестакова бесполезно. Он абсолютно убежден, что докладную писал сам, еще до «событий», готов отвечать за каждый пункт и посыл, а Валентину не сообщил о ее содержании и самом факте существования «меморандума» исключительно исходя из собственных номенклатурных представлений. Для него ведь, в отличие от Шульгина, Лихарев не более чем сталинский порученец, хотя и фрондирующий. И согласовывать с ним вопросы, касающиеся взаимоотношений такого уровня, – явный нонсенс.

Но есть не только в политике, но и в медицине такой термин, как «провокация». Это когда в организм вводят некое вещество, призванное выявить наличие иным способом не определяемого микроба, заставить его проявиться...

– А вот знаете, Григорий Петрович, одна мысль меня все-таки мучает. До этого все не мог выбрать подходящее время, чтобы спросить. Как вы все-таки сумели в парке меня сделать? Я мужик очень тренированный, вы даже не знаете насколько, и моложе вас почти на десять лет, и всякими приемами владею! Но то, что вы там проделали, не знаю даже,

как объяснить...

И уставился Шестакову в глаза пронзительным взглядом все знающего следователя.

– Какие приемы, Валентин, – нарком развеселился, заулыбался, – ну какие приемы? Это ведь все для дураков. Просто я умею драться лучше вас, и реакция у меня быстрее. И только. Давайте, прямо сейчас испытайте на мне свой самый лучший прием, пока я сижу напротив вас! Ну! Сокольники – вспомните! Вы с «маузером», я – никто, безоружен и на прицеле...

Неизвестно почему Лихарев вдруг испытал редкое для него чувство злобы, требующей немедленного выхода. Уж больно вызывающе прозвучали последние слова, с явно прорывающимся сквозь спокойную усмешку презрением. Не просто унизил его тогда Шестаков, а и сейчас демонстративно об этом напоминает. Только вот зачем?

Ладно! Прошлый раз он проиграл суперсуществу, против которого оказалась бессильна сама леди Спенсер, но сейчас-то напротив него даже не стоит, а сидит, развалившись на стуле, совсем не спортивного типа человек. На борца полутяжелого веса он похож или даже на боксера, но никак не на специалиста восточных или каких там еще единоборств. Что он без помощи Шульгина может?

И не насторожил Лихарева очевиднейший факт – если бы нарком сам по себе ничего не умел, зачем бы ему *нарываться*?

Не слишком даже сосредоточившись, Валентин сделал выпад, достаточно хитрый, впрочем.левой рукой обозначил атаку на голову и шею противника, одновременно правой, собранными «птичьим клювом» пальцами намерился ударить наркома в солнечное сплетение. Пропустит – его беда, минут пять будет ловить воздух ртом и корчиться от боли. Сам напросился. Но главная хитрость заключалась в том, что он рассчитывал, в случае, если Шестаков и успеет поставить блок против двух ударов сразу, подсечь правой ногой ножки стула и банально опрокинуть его на спину. Достаточно на первый случай.

В реальности все случилось совсем не так. Вопреки любой теории и практике ближнего боя, Григорий Петрович, вообще не обратив внимания на его понятные любому знатоку ближнего боя движения, просто ударил навстречу обеими ногами. Значительно опередив в темпе. Хорошо еще, что он был без сапог.

Сметая антикварную мебель, Лихарев врезался спиной в дубовый буфет. Зазвенела сыплющаяся с полок посуда. И вдохнуть было нечем. Спереди удар в живот, еле-еле пресс выдержал, сзади – позвоночником и ребрами о резное дерево.

Он лежал, а нарком уже стоял над ним, неизвестно когда успев встать, с усмешкой покачивая в руке бронзовый шандал.

– Следующий жест, как вы понимаете, поставил бы точку

на вашей биографии. – Голос был спокойный, но крайне убедительный. – Примерно так я разобрался с чекистами. Только шума было меньше, поскольку они к драке не готовились, в отличие от вас, и занимались обычным обыском, заведомо списав меня в тираж. – И протянул Лихареву руку, помогая подняться. – Ваше (и не только) заблуждение в том, что вы исходите из каких-то странных понятий. Большинство даже неглупых людей отчего-то уверены, что человек моего возраста и положения просто по определению должен быть вялым, рыхлым, нерасторопным, в какой-то мере трусливым. Непонятный стереотип. Как-то выводится за скобки, что наше поколение отвоевало по несколько лет на самой страшной войне. Некоторые – не на одной. Хорошо отвоевало, вашему поколению и не снилось. В кавалерии, пехоте, на флоте, вроде меня. Теперешние видят только нынешнюю вальяжность и бронзовую неподвижность за столами президиумов.

Обывателям простительно, но удивительно для человека вашей профессии, тем более что имеете уже определенный личный опыт в общении лично со мной. Вам не очень больно?

– Нет, все в порядке. Это действительно урок, – ответил Валентин, быстро приходя в себя. Так же вели себя и аггрианские боевики, с которыми Шульгин столкнулся в Москве, в самом начале этой истории. Восстанавливались почти мгновенно от практически смертельных ударов. – Я, признаться, до последнего момента думал, что имеет место,

так сказать, эксцесс исполнителя. Мол, вы были в настолько перевозбужденном состоянии, что у вас невольно проявились «сверхчеловеческие» способности. Так бывает, когда, спасаясь от угрозы неминуемой смерти, человек перепрыгивает трехметровый забор или разрывает стальную цепку на ручников... Редко, но бывает. А вы, получается, умеете произвольно переходить в такое состояние?

– Что поделать, Валентин, умею. С самого детства. А за время службы на флоте значительно усовершенствовался. Вы даже не представляете, как морская служба способствует развитию всяческих способностей. Если у человека имеются, конечно, изначальные задатки. Работать в шторм на мокрой, все время ускользающей из-под ног палубе, карабкаться на марсы и салинги, когда размахи достигают десятков градусов, чтобы закрепить, например, поврежденную снасть... Да мало ли еще «неизбежных на море случайностей»! Это вам совсем не то, что на берегу. Я вот не уверен, что вы сумели бы при хорошей волне просто перебежать со шканцев на бак нашего «Победителя», не говоря о чем-то более серьезном...

– Я тоже не уверен, – согласился Лихарев, – к таким вещам нужно привыкать с ранней молодости.

– И я о том же. А когда пришлось служить на линкоре – там другие дела. В море ведь наша бригада всерьез не выходила, в боях не участвовала, так что времени свободно было у матросиков много, вот начальство и старалось его

всемерно занимать. Учения, тренировки, погрузки-разгрузки всякие. На станках зарядания по несколько часов в день двухпудовые снаряды кидали из беседок на лоток, потом в казенник и обратно, причем на скорость. Никаких гирь и штанг не надо, почти любой из нас тогда мог руками лом согнуть, правда, за порчу казенного имущества строго наказывали, его ж потом обратно толком не выправишь, остаточные деформации, знаете ли...

Ну и еще был у нас один битый жизнью боцман из запасных, много лет ходил по южным морям на английских, голландских и прочих кораблях, в Шанхае жил, в Нагасаки. Учил желающих всяким восточным хитростям, в том числе и рукопашному бою в тесных закрытых помещениях – отсеках, тюремных камерах... Знаете, с моряками в диких странах всякое может случиться. Дома, впрочем, тоже. Я оказался способным учеником.

– Да уж, – согласился Валентин. – И потом, наверное, форму поддерживали? Неужели чувствовали, что может пригодиться?

Шульгин решил, что он сумел достаточно убедительно замотивировать необыкновенные способности наркома. А если Лихарев и не до конца поверил, так это уже его проблемы.

– Думал – не думал, теперь уже не столь важно. Главное – пригодилось. Иначе сейчас бы мы с вами не разговаривали здесь. А спортом занимался, как же. На значок «ГТО»¹⁵

¹⁵ «ГТО» – «Готов к труду и обороне», популярный в довоенном СССР ком-

первым в наркомате сдал. Личным примером, так сказать...

В голосе его прозвучала едва скрытая насмешка.

Лихареву ничего не оставалось, как поблагодарить Григория Петровича за удовлетворенное любопытство и отправиться в прихожую надевать сапоги и реглан.

– Я вернусь поздно ночью, если вдруг возникнут экстренные вопросы – позвоню. А вы чем собираетесь заняться?

– Воспользуюсь предоставленным отпуском. Давненько, признаюсь, не ощущал такой свободы, хотя бы на ближайшие сутки. Наверное, пойду по городу прогуляюсь...

Подобное решение категорически не устраивало Лихарева. Прежде всего потому, что, выйдя из квартиры, нарком самостоятельно вернуться в нее не сможет. Вручать ему свой блок-универсал Валентин не собирался (да и как объяснить сам факт наличия параллельно-совмещенных пространств?). Без него же Шестаков, подойдя к двери, увидит облупленный дерматин и батарею звонковых кнопок с указанием, кому из жильцов сколько раз звонить. Фамилия «Лихарев» в списке точно не значится. Как бы разум у товарища наркома снова не помутился. Но и заставить Шестакова оставаться взаперти у него возможностей было не так уж много. Объявить, что наркому нельзя выходить на улицу, поскольку ему угрожает НКВД и еще какая-то служба, – глупо. После

плекс многоборья. Удостоенный значка первой степени приравнивался едва ли не к нынешнему мастеру спорта. Значок (на двух цепочках) носили наравне с орденами и медалями, что можно видеть на фотографиях того времени.

того как они вместе побывали у Сталина, Григорий Петрович в такую легенду вряд ли поверил бы, резонно возразив, что взять его могут и здесь, будь на то высочайшая воля, а кому-либо из сотрудников теперь уже бывшего Ежова такая инициатива в голову ни за что не придет. Ну и, что молчаливо подразумевалось, при любом раскладе нарком за себя постоять сумеет.

– Я ведь только сейчас узнал, что совершенно не представлял, как выглядит настоящая жизнь.

– Подобно марктовеновскому принцу? – съязвил Валентин.

– Очень точно подметили. Именно так. Жил во дворцах и понятия не имел, что делается «на дне».

– В советской власти не разочаровались?

– Во власти – нет, а вот в том, что народ живет хуже, иначе, чем воображалось, убедился в полной мере. Наверняка определенная корректировка требуется...

– Не смею спорить, только примите дружеский совет: возвращаясь во дворец, большую часть своих открытий постарайтесь оставить при себе. Исключительно для пользы дела.

– Спасибо, я и сам за последнее время достаточно поумнел.

– Тогда из квартиры выйдем вместе. Нагуляетесь – перезвоните мне из уличных автоматов. Вот телефоны, рабочие и здешний. Договорились?

– Никаких вопросов. Только дайте мне несколько подхо-

дящих монет, у меня меньше тридцаток ничего нет, а где их с ходу разменяешь?

– Возьмите. – Лихарев высыпал ему в ладонь горсть пятнадцатикопеечных монет, в народе по-прежнему называемых пятиалтынными. – А вообще с деньгами у вас как? Могу субсидировать, если что.

– Около трех тысяч у меня есть. Не считая валюты. На ближайшее время, думаю, достаточно. Пойдемте...

– Да. Однако обязан еще раз предупредить, вы уж извините, в категорической форме. Без меня вам сюда приходить нельзя ни в коем случае. Даже в подъезд входить. Придется вам оставаться в городе, пока я не вернусь. Или договоримся о встрече где-то еще...

Шульгин, конечно, понял, в чем дело, он и разговор о прогулке затеял именно для того, чтобы посмотреть, как Лихарев на него отреагирует. Проверить степень его находчивости.

– Не доверяете? – снисходительно усмехнулся он.

– Да как вы могли подумать? Дело совсем в другом. Вопрос исключительно оперативного плана. Видите ли, квартира под наблюдением. И если станет известно, что вы (или кто угодно другой) имеете возможность посещать ее в мое отсутствие... Ну, вообразите, стало бы известно, что тот же Бухарин или Демьян Бедный отдали ключи от своих кремлевских апартаментов неким третьим лицам...

Нормально вывернулся, вполне в духе времени.

– Понимаю, понимаю. Действительно, я как-то не подумал. Что ж, не беда. Погуляю подольше. В Третьяковскую галерею схожу. Вы не поверите, первый и последний раз был там в четырнадцатом году, к родственникам в Москву приезжал перед началом занятий на первом курсе. Война как раз началась...

– Ну и сходите, много там за эти годы изменилось. Да и у себя дома можете побывать, есть, наверное, поводы...

Шестаков дернул щекой.

– Нет, не тянет. Сегодня, по крайней мере. Лучше в ресторане где-нибудь посижу.

– А то, знаете, – будто его вдруг осенило, с энтузиазмом воскликнул Лихарев, – к Буданцеву в гости сходите. Он сейчас тоже дома сидит, скукой и сомнениями мается. Ищет наверняка свое место в новой жизни. Помните, о чем ночью здесь разговаривали?

– Само собой. Определенный смысл в вашем предложении есть. А где он живет?

Лихарев снял трубку телефона.

– Иван Афанасьевич, вы дома? Как себя чувствуете? Не возражаете, если наш общий друг вам визит нанесет? Да вот прямо сейчас. Ну и хорошо, минут через двадцать подъедем... Видите, Григорий Петрович, очень хорошо складывается. Посидите, поговорите. Прослушки в его новой квартире нет, ручаюсь. А потом и погуляете, если желание сохра-

нится. Хоть один, хоть вдвоем.

«Гудзон» довез их сквозь продуваемые жесткой метелью переулки до нужного дома, и Шульгин едва не рассмеялся. Вот же! Или Энгельс прав, что случайность не более чем непознанная закономерность, или вправду такое невероятное совпадение. Именно здесь жила Ирина после развода, к началу их эпопеи. Полный цирк будет, если еще и в той же самой квартире.

Нет, квартира оказалась другой, в соседнем подъезде. Но все равно увлекательно!

Лихарев, не переступая порога, пожелал приятного времяпрепровождения, посетовал, что неотложные дела не позволяют поддержать приятную компанию (а то бы и в префепансик вдвоем сгонять невредно «по маленькой»), передал Шульгину пузатый, перетянутый ремнями портфель старорежимного вида, легко сбежал вниз по лестнице.

– Заходите, Григорий Петрович, – сделал Буданцев радужно-приглашающий жест. Одет он был по-домашнему: галфе, заправленные в толстые шерстяные носки, вязаная жилетка поверх байковой рубашки.

Глава четвертая

Свое новое обиталище Буданцев успел привести в относительно холостяцкий порядок. Посвятил этому весь вчерашний день. Кое-что перевез из прежней комнаты, по-солдатски выдраил полы, горячей водой со щелоком, повесил над круглым столом в большой комнате новый зеленый абажур, шелковый, с бахромой и кистями. Светился разноцветной шкалой настроенный на заграничную музыкальную программу мощный радиоприемник «Телефункен», оставшийся от арестованных хозяев. Каким чудом его не вынесли отсюда чекисты или сотрудники горкомхоза? Наверное, при аресте в опись внесли, не подумавши, – и привет. Слишком ценная по тем временам вещь, без позволения с самого верха не украдешь. А когда прошла команда от самого Булганина об оформлении ордера, тогда уж все...

Чувствовал себя сыщик после того, как Лихарев освободил его из лубянской «внутрянки», скажем так – непривычно. Он не сломался и даже не очень испугался. Когда двадцать лет тратишь все силы, время и способности, чтобы сажать в тюрьму других людей, точнее – подводить к ее порогу, остальное решает суд, неоднократно бываешь в тюремных коридорах и камерах, пусть и в ином качестве, невольно проникаешься мыслью, что это вполне естественная составная часть жизни. Хотя и теневая ее сторона, вроде обратной сто-

роны Луны. Лежа на шконке в камере, как-то подготовился к тому, что и не один год здесь проведет, если так на роду написано. А вот выйдя на свободу и начав плотно сотрудничать с Лихаревым, ощутил, что перескочил на совсем иной уровень.

Слишком близко соприкасаться с такими сферами ему никогда не хотелось, не то что стремиться войти в них, как в естественную среду обитания. Не для него это. Но ведь и в прежнее состояние вернуться вряд ли позволят. Особенно обострилось это чувство после ожидания неизбежной смерти в автомобиле Шестакова, и уж тем более когда они все: Лихарев, Шестаков, его напарник и сам сыщик – оказались в громадной, роскошной квартире Валентина.

Там Буданцев окончательно понял, что жизнь его продолжается, но будет она совсем не привычной. Интуиция заслуженного «легавого» и предыдущий опыт общения с «военинженером» подсказывали, что сталинский порученец говорит чистую правду. В его силах сделать его и начальником МУРа, и всей московской милиции. Раз уж за полдня сверхдефицитную жилплощадь выбил и оформил, из тюрьмы вытащил, что вообще за гранью вероятности. Попутно и беглого наркома нашел.

Правда, внутренне усмехнулся Буданцев, найти-то нашел, но вроде того мужика, что медведя поймал. Теперь пусть и выкручивается, у нас свои заботы.

Допустим, вознесут его к вершинам власти, но во что та-

кой служебный взлет выльется – трудно сказать. Или наоборот, не трудно, а очень даже легко. В реальном училище преподаватель Шпонька рассказывал про методику тирана Фразибула, который имел манеру сбивать тростью колосья на пшеничном поле, выраставшие выше других.

Когда утром Лихарев разрешил ему уйти со Столешникова к себе домой, но строго предупредил, что появляться на службе до особого указания не следует, ни с кем из знакомых обоего пола не связываться, да и на улицах особо не светиться, Буданцев ощутил некоторое облегчение. Похоже, в ближайшие дни его трогать не будут, и можно полноценно отдохнуть, не задумываясь о дальнейшем, которое само подскажет, как быть...

По мере того как он осваивался и обживался в новообремененной квартире, она нравилось ему все больше. Старинная, уютная, не то что нынешние новостройки. Теплая. Ребристые паровые батареи, в отличие от современных водяных, грели так, что пришлось открыть все форточки. Полутораметровой толщины стены и полукруглые окна создавали ощущение надежной защищенности от превратностей внешнего мира, словно в средневековом замке или монастыре. Окруженный высокими брандмауэрами заснеженный двор вместо кишачей людьми и машинами улицы тоже настраивал на умиротворенность.

«А вот интересно, – думал Буданцев, – если бы я тогда успел уйти со службы или не поднял бы трубку и начальник

вместо меня послал бы к Шадрину того же Мальцева, как сложилось бы остальное? Квартиры у меня бы не было, точно, но я бы и не подозревал о возможности ее получения. Лихарева не встретил и Шестакова тем более. Ковырялся бы с делом актрисы, со всеми прочими делами, шерстил младших оперов, психовал, возвращаясь в свою коммуналку... Лучше бы мне было сейчас или нет?»

Такие философические темы занимали его не слишком часто. От недостатка праздного времени и в целях самосохранения. Бывало, приходило в голову – а если бы не в Советской России он остался «тогда», а, как некоторые друзья, подался к белым, на фронт, потом в эмиграцию? Бессмысленный вопрос. Просто жил бы сейчас на свете (или вообще не жил) другой человек с той же фамилией и некоторыми общими чертами ранней биографии.

«А ты, именно ты, живешь здесь и сейчас. Того Ивана Буданцева, что подшивал бумажки, давился дымом скверной папиросы и наблюдал полет ворон над садом «Эрмитаж», нет и больше никогда не будет. Вот и живи, пока дают...»

Осматривая, по привычке старого сыщика, доставшееся ему владение, он в очередной раз подивился профессиональной беспомощности агентов ГУГБ. Взять они людей взяли и обыск какой-то произвели, изъяли интересующий их компромат. На другое, получается, глаза у них не настроены?

Здесь опять Буданцев судил по себе. Как сравнить наметанный глаз сыскаря «по особо важным» с пятнадцатилет-

ним стажем и гэбэшного опера, три класса образования, четвертый – коридор? Ровно столько же выучки проявили те, которых голыми руками перебил нарком, те, кто его бессмысленно ловил целую неделю, поймав в итоге своего же старшего майора и привлеченного мильтона, «сбоку припека».

Вот она – квартира, маленькая, ни закоулков, ни подвалов с антресолями... На два часа спокойной работы, все осмотреть, все увидеть. Прямо перед тобой, подходи и бери – тайник под паркетом, в нише батареи. Паркетины чуть другого оттенка и лежат не в уровень с окружающими, зазоры на миллиметр, но пошире. Даже царапины просматриваются, пусть и затертые восковой мастикой, но отнюдь не тщательно. Халтурно, можно сказать.

Буданцев взял кухонный ножик с тонким лезвием, прищелкнул, поддел, где надо. Крышка, сантиметров тридцать на сорок, поднялась легко. Н-да, недурно! – он даже прищелкнул от изумления и удовольствия. И не только профессионального.

Враги народа тут жили или не враги, профессиональные спекулянты и расхитители соцсобственности, просто люди «из бывших», «классово чуждые», попавшие в поле зрения органов, но обеспечили они себя «на черный день» неслабо.

Правда, как говорил предыдущий опыт, когда наступает по-настоящему «черный день», никакие накопления и значащие значения не имеют. Достаются другим, а чаще веками

гниют в земле в качестве пресловутых кладов.

Он вытащил из тайника и разложил на столе то, что хранили его предшественники. Много всякого добра. Двенадцать тугих пачек серых сторублевок, пачку царских пятисотенных «петров» (жалко было выбросить или надеялись на реставрацию?), увесистый замшевый кисет, набитый золотыми десятками и даже империялами царской чеканки. Отдельно – упаковка советских червонцев, ценой, размером и весом равных дореволюционным. С некоторым трепетом откинул крышку шкатулки карельской березы, догадываясь, что там увидит. Не ошибся – доверху явно старинные и крайне дорогие ювелирные изделия: кольца, перстни, кулоны, фермуары и даже три орденских звезды, золотых и осыпанных бриллиантами.

– Ни хрена себе, – вслух сказал Буданцев, не боясь, что его кто-то услышит. – Бывший камергер тут жил, что ли? Да вряд ли, судя по нашим бумажкам, из тех же чекистов кто-то...

Узнать *установочные данные* на хозяев – проблемы нет. Только спешить не нужно. Успеем.

Кроме денег и драгоценностей, там же хранился и пистолет марки «веблей скотт» (1912 г., калибра 0,455) в рабочем состоянии, заряженный и смазанный.

«Ох, и лопухнулись вы, ребята, – так же вслух отозвался Буданцев о своих «коллегах» с нескрываемым злорадством. – Небось брошюрок Троцкого нагребли мешок – и ра-

ды...»

Что ж, осталось сесть за стол и составить опись найденного, как положено. «Изделие из желтого металла, ажурной работы, с большим камнем синего цвета посередине и пятнадцатью мелкими белыми в виде осыпи по краям». Какой металл и какие камни – нам определять не положено, есть на то специальные люди. И так – сто или более пунктов (в трех экземплярах). До глубокой ночи, до рези в глазах и боли в пальцах. После чего расписаться, сложить изъятое в пакет, прошнуровать, скрепить сургучной печатью. И отнести в приемную ГУГБ? Ту самую, где его на днях принимали, тоже по описи. Вежливо. Затем – без всякой вежливости хлестали резиновой палкой. Больно было... Нет, больно, но терпимо. По затылку не бил капитан, по лицу. Спиной и плечами ограничился...

За что и отблагодарим? Возьмите мол, товарищи, ваши при первом обыске недоглядели... Внесите на дальнейшие успехи второй пятилетки! А самому, опоздав на последний трамвай, пешочком в свою коммуналку через половину Москвы, и если осталось в тумбочке что пожевать, так, считай, повезло.

Буданцев опять рассмеялся, громко, зло, никого не стесняясь. У него теперь отдельная квартира, никто под дверью не подслушивает, как бывало.

Что там в ордере, выданном Лихаревым от имени Моссовета, написано? «Вселить в квартиру № 26 гражданина

имярек с передачей ему всего там находящегося, в настоящее время выморочного¹⁶ имущества». Сами написали, никто вас не просил.

Если бы не случившееся в последние дни, не арест за выполнение задания гугбэшного чина, не тюремная камера и погулявшая по его плечам резиновая палка коллеги, никогда бы ему в голову не пришло присвоить хоть десятку, найденную при обыске. А вот сейчас совершенно ничего не шевельнулось в районе так называемой совести.

«Значит, я теперь не только живой, но и очень богатый человек, – несколько отстраненно подумал Буданцев. – Пошло бы только на пользу».

Никогда его особенно финансовые проблемы не занимали. Денег, конечно, постоянно не хватало даже на самые насущные нужды, но предпринимать нечто, выходящее за привычные рамки, чтобы их приобрести, не было ни желания, ни возможностей. Операм угрозыска взяток не дают, а искать еще какие-то источники дохода... Единственно – в адвокаты податься, так университетского образования нет.

А сколько же ему всего досталось, по-нынешнему? Миллионы и миллионы, если пересчитывать даже не в никчемные советские рубли, а в твердую валюту. Драгоценности, само собой. Бумажек тоже до хрена. Пачки не стандартные, банковские, в каждой намного больше ста листов. Значит –

¹⁶ Выморочное имущество – оставшееся без наследников, отходящее в казну и распределяемое ею по усмотрению (см. В. Даль, словарь).

тоже несколько миллионов. Остап Бендер, помнится, за миллион в ценах тридцатого года сколько надрывался. А тут – куда больше, и практически даром. А что с ними делать? Чтобы пользоваться «на полную катушку» – и речи быть не может. Единственно возможное без риска – добавлять понемножку к зарплате, слегка, совсем незаметно приподнимая жизненный уровень. В отпуске себя посвободнее вести, ибо в Кисловодске или на озере Рица никто не обратит внимания на размах его трат, в любом случае не выходящих за рамки допустимого. Два шашлыка съел человек или три, коньяк «Пять звездочек» выпил или «КВК» – кому какое дело? В «международном» вагоне на юг поехал, так он, может, весь год именно на этот билет деньги откладывал...

А чтобы по-настоящему развернуться – тут уж никуда, придется, как Корейко, ждать реставрации капитализма.

Ну, а пока, радостно потер руки Буданцев, испытаем, каково оно – жить не по средствам. В этом районе он ни разу в коммерческие магазины не ходил, его там пока не знают приметливые продавщицы. Значит, тысяч на пять за раз отовариться можно. Как будто он полярник после зимовки или шахтер-стахановец, нарубивший уголька двадцать месячных норм.

Что и не преминул сделать Иван Афанасьевич, зайдя в очень приличный магазин на Сретенке. Просторный, с красиво оформленными застекленными прилавками. Целый саквояж набил отличнейшими продуктами, ну и в промто-

варном отделе кое-чего для дома прикупил. Себе, опять же, приодеться немного, а то штатской приличной одежды совсем не было. Впервые, пожалуй, в жизни тратил деньги, не считая в уме рублей и копеек, в том смысле, что если сейчас купит килограмм твердокопченной и бутылку чего-то приличнее «сучка»,¹⁷ то следующую неделю будет питаться только в служебной столовой и курить «Норд».¹⁸

Поэтому, чтобы лишний раз не бегать, «Казбека» он взял сразу на месяц вперед. Подмигнул миловидной продавщице, доверительно сообщил, что собирается сделать подарок членам своей экспедиции ко Дню Красной Армии – каждому по коробке.

Только-только успел вернуться домой, управиться по хозяйству, и – звонок от «благодетеля».

Иван Афанасьевич то, что теперь у него имелось, не стал афишировать. Выставил самые скромные из закусок, нажарил «микояновских» котлет. Весьма вкусных, кстати, из настоящего мяса, да еще и поджарил их на коровьем масле, тоже настоящем. Да, вот это жизнь! Не совсем та, что у товарищей, прикрепленных к буфету ГУГБ (когда они на свободе), но намного лучше, чем у Шадрина, сидящего сейчас на

¹⁷ «Сучок» – простонародное название самой дешевой водки, в конце тридцатых годов стоила 6 руб. 30 коп. пол-литра, ровно как две коробки папирос «Казбек» или одна – «Герцеговины Флор».

¹⁸ «Норд» (в период борьбы с космополитизмом переименованный в «Север») – папиросы 3-го сорта, цена – 45 коп. пачка.

нарах. А там черт его знает, может, старшим майорам и в камеру спецпаек носят.

У нас же – строго в пределах наличности, оставшейся до очередной зарплаты. А какая наличность у совслужащего на исходе третьей пятидневки¹⁹ после предыдущего жалования? Ну да посидеть за мужским разговором хватит. А если высоким товарищам не понравится – пусть знают, как простые люди живут.

Буданцев с интересом наблюдал за гостем. Опыт имелся. Это следователи могут разбираться с клиентом неделями и месяцами, выстраивая психологический портрет и стратегию дела, а оперу приходится иногда за несколько минут сообразить, с кем дело имеет и как себя вести.

Неплохо выглядит нарком и нормально держится. Гораздо спокойнее, чем позавчера. Только вот что его привело сюда? Несопоставимы их социальные уровни. Поболтать да водки выпить? А для чего? Если он по-прежнему при должности и на свободе, так не с опером муровским ему душу отводить. А если не сложилось чего, так тем более не явился бы. В другом месте разговоры разговаривал...

Несмотря на эти вполне естественные мысли, сыщик изобразил искреннюю радость. Да и стараться особенно не пришлось. Гость – всегда гость, особенно когда распирает изнутри чувство давно забытой свободы. Теперь уже и фи-

¹⁹ В тридцатые годы в СССР на несколько лет вместо обычных недель была введена «пятидневка», выходной день – каждый шестой по скользящему графику.

нансовой. Говорить именно об этом Буданцев не станет, но перевести эмоцию в другое русло – отчего же и нет? Сказку про парикмахера, который от невыносимого желания высказаться об узнанной страшной тайне убежал в камыши и там отвел душу, он тоже помнил.²⁰

– Очень вы вовремя, Григорий Петрович. Я тут, узнав о вашем визите, решил нечто вроде новоселья устроить. В одиночку-то какой праздник? Верный путь к алкоголизму. А вдвоем очень недурненько можно посидеть. Смотрите, какие мне апартаменты отломились, неожиданно-негаданно...

Гордясь, провел гостя по всем помещениям.

Шульгин оценил, похвалил, особо отметил именно те прелющества квартиры, что нравились и самому Буданцеву.

– Тут, если что, пока дверь ломать будут, через окошко кухни свободно можно на крышу вон тех сараев прыгнуть, при должной сноровке, и – дворами, дворами, хоть на Трубную, хоть на Сухаревку...

Сыщик хмыкнул.

– Как давеча из наркомата? Интересный у нас разговор затевается. Вроде не у наркома с милицейским, а у воров на подпаленной малине.

– А что? Самый нормальный разговор, исходя из текущих обстоятельств, – совершенно спокойно ответил Шуль-

²⁰ Имеется в виду миф о царе Мидасе, который имел ослиные уши, но от всех это скрывал. Цирюльник прошептал в камышах: «У царя Мидаса ослиные уши», а потом каждая камышовая флейта начала вместо музыки ретранслировать эти слова.

гин, выгружая на стол содержимое врученного ему Лихаревым портфеля. Валентин не поскупился, причем ассортимент продуктов не слишком отличался от шадринского гостинца. Та же икра, красная и паюсная, сыр, колбаса, масло, еще паштеты нескольких сортов в жестяных баночках, заграничные сардины и отечественные крабы, зеленый горошек, баклажанная икра из Бессарабии, коньяки и водки, само собой. И Шестакову в пайках все это привозили, так что он совсем не удивился. Управление делами Совнаркома одно на всех. Может, членам Политбюро по другому списку выдают, а для прочих ответработников коммунизм одинаковый. Каждому по потребностям, тщательно учтенным и дозированным. — Значит, поспразднуем ваше новоселье. Благо спешить совершенно некуда и вам, и мне...

Выпили, закусили. Добавили под котлеты, пока не остыли. Икру, словно бы развлекаясь, ели ложками, правда, чайными, а не столовыми. И все время то один, то другой ловили взгляды своего визави, не слишком сочетающиеся с атмосферой дружеского застолья.

— Значит, нравится вам ваша новая квартира, — неожиданно вернулся Шульгин к теме, которая вроде бы и соединила их за столом. Откинулся на гнутую спинку венского стула, размял папиросу, закурил. Буданцев тоже.

— А как же не нравиться, особенно если по углам да коммуналкам намаялся? Сидим вот, все двери нараспашку, никто по коридору не шаркает, на примусе вонючую рыбу не

жарит, в клозете чисто, очереди нет и не предвидится. Вам давно не приходилось стоять и слушать, что там за фанерной дверью происходит? Какие физиологические процессы?

– Давно, – честно признался Шульгин, за двоих сразу. Сам он помнил коммунальное житье еще в дошкольном детстве, а Шестаков получил отдельную квартиру в конце двадцатых, когда перевелся из штаба Балтфлота в Москву. – Но вас не удивляет существенный штришок? Какому классному чину в царской полиции соответствует ваш нынешний ромбик? – неожиданно спросил он.

– Да как сказать... Пожалуй, статскому советнику. Что-то в этом роде, между полковником и генералом.

– И что, много вы знали статских советников, не имевших хотя бы пяти комнат, плюс помещений для прислуги? А надворных, даже титулярных? Пушкин, помнится, был как раз титулярным,²¹ а квартиру снимал аж в двенадцать комнат...

– Вы это к чему говорите, Григорий Петрович? – Буданцев, жуя мундштук папиросы, оперся локтями о стол.

– А вы как думаете, товарищ главный опер? Вербую вас в польскую разведку? Или скорее японскую. Вы же именно так подумали, когда меня ловить взялись? Очень наши контрразведывательные органы именно на эти две службы запали. Одно время еще румынская была в моде, но сейчас, кажется, вышла из текущего обращения. На ней больше не зарабаты-

²¹ Титулярный советник – чин IX класса, равен армейскому капитану, надворный – VII класса, равен подполковнику.

вают. Выпьём?

– Поддерживаю...

Вечер спустился на Москву и окрестности. Уличные фонари Рождественского бульвара можно было увидеть только через окно кабинета, приподнятого над площадью квартиры на полтора метра по странной прихоти заказчика. А вернее, никакой прихоти и не было. Квартира ведь *приспособленная*, выделенная из гораздо большей, с парадными комнатами по переднему фасаду, а здесь был, по-флотски выражаясь, служебный отсек, выгородка для кухни и прислуги, окнами во двор. И за ними – глухая тьма. От которой, чтобы в душу не заглядывала, они отгородились плотными шторами. Очень даже уютно, пар в батареях шипит и посвистывает, только сверчка не хватает.

Буданцеву происходящее странным уже не казалось. Он скорее постепенно начал проникаться теми чувствами, что вначале были просто неясными намеками собственного подсознания. Теперь же ввалившийся к нему домой нарком, тяжелый, как медведь, не только физическим объемом, но и душевными силами, не слишком выбирая выражений (провоцировал или выговориться хочется?), стал называть вещи своими именами. Как раз те, касаться которых и наедине с собой Буданцев избегал.

Зачем додумывать до конца то, что в реальной жизни не поможет, но значительно осложнит повседневное существование? Хотя Лихарева спросил, не удержался, когда увидел

его шикарный «Гудзон»-кабриолет, отчего это у него – такая машина, а Буданцеву на все отделение потрепанной «эмки» не положено? Ну и получил ответ, способный лишь усилить неприязнь к советской власти.

– Ну, Григорий Петрович! – сказал опер, когда выпили, теперь уже дорогой коньяк из маленьких рюмок и, не сговариваясь, долго держали его во рту, позволяя дубленому алкоголю всасываться через слизистую щек. – Вы не совсем правильно сказали. О разведках речи не идет. А вот о том, что советская власть в нынешнем виде вам не нравится, – безусловно.

– А вам? Если да, то просто давайте все имеющееся съедим и выпьем и разойдемся по домам. Вы продолжайте ловить воров, если снова не посадят, я займусь укреплением обороноспособности нашей Родины. Тоже до поры. И все! Я вас не помню, вы меня не видели. Договорились?

– Так бы оно, наверное, лучше всего. Но вряд ли получится. Знаете, почему я с вами сейчас вообще разговариваю? Единственно потому, что вы – гарантированно не стукач и не сексот. Ни о ком больше в целой Москве я такого сказать не могу. Хоть вот столечко, – он показал пальцами, на сколько именно, – а сомневаешься в самом хорошем приятеле. Один из убежденности донесет, другой по глупости, третий – чтобы место мое занять, кому-то и оно завидным кажется. А вот вы – не вдаваясь в ваши истинные убеждения – на меня точно не настучите. Ну и я, соответственно, тоже

– не наш с вами уровень. Верно?

– Куда вернее. Значит, в этом мы сходимся – *такая советская власть нам не по душе. Может, потому что оба – из бывших?*

– В определенной мере. Во-первых, думать нас научили несколько раньше, чем этому занятию были положены четкие пределы, «их же не перейдеши». Во-вторых, ни вы, ни я от означенной власти не получили ничего, чего бы мы не имели от старой, причем там – с куда меньшими затратами. Другое дело – такие, как мой начальник и большинство вашего окружения. Там действительно: был потомственный подсобный рабочий, стал начальник департамента. Тем такая власть – самое то!

Я ведь, Григорий Петрович, все это время, как только меня Шадрин принял и велел вас искать, а потом Лихарев меня как бы «перевербовал», думал, сопоставлял... Куда это я влез и чем рискую? И из разговоров ваших у Валентина на квартире кое-что услышал. Специально не подслушивал, а кое-что донеслось...

«Интересно, что же именно? – обеспокоился Шульгин. – Если только о ближайших государственных планах, так не страшно, я его сам к этой мысли подвожу, а вот если про галактические дела... Да все равно не беда. Всегда можно особым образом это объяснить, вплоть до особо хитрого кода в масонском духе».

– Слышали и слышали. Какие теперь тайны? У вас и без

того информации было достаточно. Ясно ведь любому, что, если в стране одна часть власти режет другую, обязательно найдутся люди, которые зарезанными быть не желают... Что Лихарев, Заковский и Шадрин сыграли против Ежова и, похоже, в данный момент выиграли, вам открытым текстом было сказано. Предложение занять свою нишу в этой игре вы тоже получили. Так?

– Так. Один у меня вопрос, ответьте, если хотите и можете. Ваш, скажем так, «проект» предполагает просто смену рулевых или штурмана и курса тоже?

Молодец, Иван Афанасьевич. Конкретно мыслит. А все ж таки не сказал – «капитана». Но с другой стороны, может, он еще тоньше выразился. Штурман ведь – тоже в своем роде «руководящая и направляющая» сила на корабле. Капитан зачастую может быть фигурой вполне номинальной.

– Рулевых – это безусловно. С одним уже разобрались, как видите, про остальных думать надо. Кто-то, наверное, сгодится и в нынешнем качестве, кого-то в кочегары можно перевести или просто на берег списать, но это все организационные моменты. Насчет курса – разве есть у вас сомнения, что он ведет явно не туда? Вслух только что сказали, а с какого момента увидели, догадались?

– Честно сказать, года с двадцать пятого, двадцать шестого. Когда НЭП начали сворачивать, а ГПУ – силу набирать, уже без Дзержинского. При том несколько иначе работали... Шульгин не стал возражать, высказывая свое личное мне-

ние по поводу этой фигуры. В чем-то Буданцев прав, Дзержинский, при всех его особенностях характера, был все-таки умным человеком и прагматиком, что и подтвердил на постах, не связанных с политическим сыском.

— Что ж, двенадцать лет — достаточный срок. Не сгоряча высказались, под влиянием личной обиды. Ну, я чуть раньше задумываться стал. Сразу после Кронштадтского восстания.

— Мятежа, — с легкой улыбочкой поправил Буданцев.

— Конечно, конечно. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае он называется иначе». И все же...

Сыщик, слегка нервничая, разлил по рюмкам остатки. Разумеется, понимал, что сейчас он снова переходит в иное качество. Думает наверняка примерно так, как Шестаков на Ленинградском шоссе, когда первый раз снялась шульгинская матрица и он собственным разумом осознал истинный смысл происходящего. Мол, до этого его хоть и арестовывали, но как бы по ошибке, а вот сейчас он превратился в настоящего врага, и не будет ему утешением перед расстрелом хотя бы чувство собственной невиновности.

Какое уж тут можно найти утешение, когда в затылок упирается ствол «нагана», Сашка не очень представлял. Скорее наоборот, умирать, зная, что зря, — куда противнее, чем по делу.

Буданцев, согласившись разговаривать с наркомом всерьез, автоматически превращается во врага народа, по нынешней терминологии. До данного момента все, что он де-

лал, оставалось в рамках системы. Даже из внутренней тюрьмы он не убегал, его оттуда ответственный товарищ вывел. А вот сейчас...

Понимать-то он это понимал, но принимать не собирался. – Я, Григорий Петрович, человек принципиально беспартийный. Не вступал и впредь не собираюсь. Идеи – это другое, идейно я и сам с училищных времен за справедливость, равенство, братство и тэдэ. Вот организационные вопросы меня не устраивают. Демократический централизм, партсобрания и тому подобное, включая «диктатуру пролетариата». Глупая формула, да и практически бессмысленная. Пролетариат – это что? С римских времен самая никчемная часть населения, не способная себе и на хлеб заработать, не говоря о чем-то прочем. И вот этот плебс должен безраздельно властвовать над всеми порядочными людьми?

– Как будто вы хоть каким-то образом от этого избавлены! Все равно тем же уложениям подчиняетесь. Вот если б могли взять и сказать вслух – «это решения *вашей партии*, а я подчиняюсь только внутренним милицейским инструкциям и УПК», вот тогда ваша позиция имела бы смысл.

Буданцев опять рассмеялся, уже невесело.

– Фантазер вы, Григорий Петрович. Сами-то...

– Так я и не спорю. Бачили очи, що купували... Идея, по первоначальному, дооктябрьскому замыслу, казалась вполне достойной и здоровой, хотя кое-что и тогда душу царапало. Например, мне, как инженеру, всегда казалось странным, с

чего бы, если разогнать квалифицированных управленцев, а на их место поставить слесарей и смазчиков, производительность труда возрастет многократно и «общественные богатства польются полным потоком». Как будто я этих «пролетариев» в деле не видел...

– Так это, по-вашему, ревизионизм называется, или как там – правый уклон...

– Не так давно инициативные товарищи с одного из моих заводов подарочек привезли. Изящно выполненный из нержавеющей стали топор. На одной щеке выгравировано «Руби правый уклон», на другой – «Руби левый уклон». На обухе – «Бей по примиренцам!».

– И куда ж нормальному человеку в таком случае податься?

– О том и речь, Иван Афанасьевич, о том и речь. С вами Лихарев наверняка ведь пристрелочные разговоры вел, пока вы с ним меня искали?

– Очень пристрелочные... Но по направлению – в ту же сторону. – И неожиданно для себя Буданцев решил не таиться от наркома вообще. То есть говорить абсолютно на равных. Выпивка ли тут подействовала, или просто момент пришел. Показалось ему, что иного выхода просто нет. Слов сказано и так достаточно, захотят посадить – не отвертишься. Как и в том случае, если б и вообще ничего опасного не было сказано. Тамошним следователям без разницы, что захотят, то и напишут, а станешь дергаться – средства убеждения он

на своих плечах испытал.

– Ну, попросту говоря, Григорий Петрович, власть менять собираемся, так? И вы, значит, организацию создаете. Причем, похоже, каждый свою? Валентин и вы. Или он вас уже успел в свою веру обратить? Не слишком ли замахнулись? Ежов – ладно, с ним удачно получилось, но ведь и кроме... Дворцовым переворотом не ограничится. Помните, как было? Царя за два дня свалили, а Гражданская война потом пять лет длилась... И что в результате вышло?

– Не теми категориями мыслите, Иван Афанасьевич. То война между непримиримыми силами и идеями, а то – как уже было сказано, корректировка существующей системы. Одно дело – новую железную дорогу построить, совсем другое – на существующей стрелку перевести. В том и сила нашего строя, и его же слабость – стоит только объявить о смене Генеральной линии, как подавляющее большинство, за исключением нескольких ортодоксов, «аплодисментами, переходящими в овацию» ее и поддержат. Будто вы не насмотрелись уже...

– Насмотрелся, куда уж больше. И где же вы меня во всех этих делах видите? Что я вообще могу? Впоследствии, ладно, как Валентин сказал, потребуются свои люди, чтобы вакансии заполнять и с прежними непримиримую борьбу организовывать. А сейчас, в данный текущий момент? В списке «сочувствующих» числиться? Так я уже. На последней «чистке» так в протоколе и записали: «Сочувствующий,

твердо стоящий на рабоче-крестьянской платформе».

– Списков, слава богу, мы составлять никаких не собираемся. Не тот случай. Вообще-то, прошу прощения, Иван Афанасьевич, хочу кое-что сказать напрямик. Особых оснований у нас друг другу доверять нет. Ну, кто мы с вами? Вы меня ловили от всей души и на пределе возможностей. Я с вами, в свою очередь, не слишком ласково обошелся. Только что не убил. Потом, конечно, кое-как сговорились, при посредстве одинаково чужого нам человека. Выходит, что связывают нас с вами только вот это взаимная ничья и пара выпитых стаканов. И все. Не маловато ли для предложенной степени доверия?

Буданцев помолчал, вертя в пальцах пустую рюмку. Опять потянулся к папиросе.

– Самое смешное, Григорий Петрович, что не маловато. В самый раз, я думаю. Да и вы так же... Иначе чего ж мы здесь сидим? Побегали, постреляли, сообразили, кто чего стоит. Уж как мне мучительно было ждать, стрельнете вы или нет. Но даже не по словам, по тону вашему и как последнюю водку не сами с другом выпили, а мне налили, понял – не тот человек. Пусть и враг народа... Да и я к тому времени в той же категории числился.

– Увы, Иван Афанасьевич, время нам выпало удивительно поганое. Как бы не худшее за всю писанную Карамзиным и Ключевским историю. При этом деваться все равно некуда. Как сказал один знакомый поэт: «Времена не выбирают, в

них живут и умирают».

– Это точно, – согласился Буданцев.

– А вот на работу я вас к себе возьму. Почти по специальности. Есть мнение, что в ближайшие дни мне предложат новую должность, с повышением. Так можно будет кое-что придумать. Необременительное. Какой-нибудь зам по общим вопросам или начальник секретной части, что даже лучше. Отдельный кабинет с железной дверью и неопределенный круг задач, ведомых только мне и вам. За границу выезжать придется, и вообще...

– А Лихарев?

– А что Лихарев? Мы же с ним друзья с недавних пор. Вас выручил, мне помог...

– Видел я, как он помог, – усмехнулся Буданцев, вспомнив сцену в парке.

– Зря улыбаетесь. Если б он Ежова не опередил да Сталину не доложил обо мне в надлежащем духе, не знаю, где б мы сейчас были... Потому будем с ним и дальше дружить. Симбиоз у нас с ним будет.

– У меня и у вас?

– Как сами захотите. Можете на союз только с ним подписаться, а я вообще ни при чем. Тоже интересный вариант. Он ведь завтра же, а то и сегодня, наверняка с вами с глазу на глаз встретиться захочет, расспрашивать будет, как время провели. Ну и скажите, что держался я замкнуто, пил одну за одной и от любых откровенностей уклонялся. Вы ж для

меня кто? Сыщик, не более. Голая функция...

– Думаете, имеет смысл?

Буданцев уже начал просчитывать в уме варианты, сообщая, какой из них полезнее лично для него. Лихарев, конечно, сила, но уж больно непонятная. Шестаков куда конкретнее. В человеческом плане. И сила, так сказать, публичная. Работая с ним, будешь иметь легальный статус... Ну и отмазку в том смысле, что просто выполнял приказы и должностные инструкции. А что такое «агент на связи», он знал очень хорошо. У самого таких не один десяток.

– Еще же лучше, Иван Афанасьевич, – предложил Шульгин, тоже обдумав расклады, – если вы Валентину о нашем разговоре расскажете все как есть. За исключением последнего абзаца. Да, то-то и то-то говорил Шестаков, рассуждал о «демократизации режима», «возвращении к ленинским нормам», фантазировал, как сможет влиять на политику Сталина, если войдет в доверие. А вас позвал в помощники, потому что увидел человека умного, надежного и в номенклатурную схему не встроенного. И тут же совета попросите, как, мол, быть. Со всеми подлинными сомнениями, что у вас имеются. Ничего не скрывайте. Кажется мне, что проглотит наш друг наживку...

А хотите – без всякой наживки. Просто выслушайте предложения, и если они вас устроят – поступайте по собственному усмотрению. Я ведь, святой истинный крест, как в детстве говорили, отнюдь не тайный орден учредить задумал,

единственно собираюсь в меру собственных возможностей «изменить то, что в силах изменить»...

– Так и поступим, Григорий Петрович. Никакой подпольщины, никакой конспирации. Действительно, посмотрим, что и куда повернется. Одно меня беспокоит: не подслушивают ли нас сейчас? Когда я наедине с Шадриным беседовал, Лихареву этот разговор сразу известен стал. А тут?

– Тут вряд ли, – успокоил Шульгин Буданцева. – На Лубянке одно дело, а здесь за те сутки, что он вам квартиру оформлял, ничего успеть было нельзя. Прослушка дело серьезное, проводку нужно тянуть или к телефонной линии подключаться. Я кое-что в таких делах понимаю.

Сам же подумал, что никакая проводка Валентину, разумеется, не нужна и вполне он их мог слушать, а также и смотреть на своем экране, но Антон обещал, что та слуховая капсула, с помощью которой они связывались, способна создавать достаточно надежный экран от существующей аггрианской техники.

Шульгин не стал включать «глушилку» сразу, чтобы не удивить и не встревожить Лихарева. Чего доброго, кинулся бы сюда выяснять, как и что случилось. А вот в самом конце разговора, как раз перед теми словами, которыми предложил Буданцеву ничего от Валентина не скрывать, запустил устройство. Выглядеть будет, как короткая помеха, вроде той, что вызывает электрический разряд вблизи радиоприемника или телевизора, предельно естественно.

Прощаясь с Антоном, они много технических вариантов обсудили. Вот один и пригодился.

Сашка, конечно, предпочел бы, чтобы у них с форзейлем поддерживалась двухсторонняя постоянная связь, но это, похоже, от самого Антона не зависело. Сказал, что в случае особой опасности поможет, как всегда, а как всегда – значит, исходя из его собственных, а не шульгинских потребностей и возможностей.

Суть-то понятна, Антон в земных делах занимается чистой партизанщиной, помимо своих основных обязанностей, которые неизвестно в чем заключаются, да и вообще по своей он воле действует или нет, неизвестно тоже. Но и сама мысль о том, что помощь, в случае чего, прийти может, гре-ла душу.

– Одним словом, – сказал он, вновь отключая защиту, – все, что на сей момент от нас зависит, мы обсудили. Теперь остается ждать развития событий. В город выйти, морозным воздухом подышать не желаете?

– Что-то не хочется, – ответил Буданцев. – В тепле мне больше нравится. Доедим-допьем, что осталось, а потом я вас провожу, если захотите. Или Лихареву позвоните, он вас заберет, когда домой поедет...

– И так можно, – согласился Шульгин, в душе посетовав, что техника здесь не та. Сейчас бы телевизор включили, футбол или хоккей посмотрели, вот и скоротали время до урочного часа.

Глава пятая

Внезапно Шульгину захотелось уйти от Буданцева. Просто захотелось, и все. Как не раз и прежде бывало. Сильное душевное побуждение или предчувствие, но вдруг остро стало понятно, что дальше оставаться здесь нельзя. Бессмысленно или даже опасно. Почему, как – уже не столь важно. Только что собирался и дальше сидеть, разговаривать на посторонние темы, выяснить, может быть, некоторые моменты нынешней жизни, не вполне понятные Шестакову, а уж ему – тем более, и вдруг зазудело, засвербело. Уйти – и все. Не столь даже важно, куда именно. К Лихареву пока нельзя, значит – куда глаза глядят.

Время не ждет, как у Джека Лондона.

Так он и сказал Буданцеву, не ссылаясь, конечно, на предчувствия. Просто обсудили, мол, что требовалось, и захотелось без всякой цели побродить по улицам.

Иван Афанасьевич понимающе кивнул. Если очень хочется – не стоит противиться настроению. Да и его, признаться, гость уже начинал тяготить. После того разговора, что состоялся, просто так сидеть и точить лясы казалось излишним. Лучше правда повалиться в постели, книжку почитать, наслаждаясь тишиной.

Шульгин уже оделся, привычно похлопал по правому карману и только сейчас сообразил, что не взял с собой оружия.

Дико, странно, но факт – уходя от Лихарева, он не вспомнил ни об «олимпиаде», ни о «ТТ», ни о «наганах», которых у него накопилось столько – хоть на аукцион выставляй. Отчего бы это? Что-что, а об оружии Сашка всегда помнил, и вдруг такой пробой. Наводка, что ли? Стало еще тревожнее. И веселее одновременно. И интереснее. «Нам ли жить в покое?»

Не для того мы к этой жизни приспособлены. Нас или заведомо хотят убить, только не получается, или, как тем собачкам из английских псарен, создают стимулирующие условия.

Не делая никакого специального лица, как бы между прочим, как можно спросить о пятаке на автобус или трамвай, Александр осведомился у Буданцева, явно с нетерпением ждавшего, когда он уйдет: «У тебя никакого лишнего пиштолика нет? Табельный не прошу. Свой я дома оставил, непростительно. Заторопил Лихарев, я и забыл, что в другом кармане «вальтер» лежит. А мне без оружия, как без штанов... Город, ночь».

Буданцев удивился никак не меньше, чем всему предыдущему. Заговор – ладно. А вот откуда у наркома, привыкшего жить, как у Христа за пазухой, такие привычки? За неделю не образуются.

Оружие они все носят, но исключительно «для блезиру». И тут же вспомнил невероятно точную стрельбу в коридорах наркомата. Его люди (присланные Лихаревым) мазали и мазали, бегая по лестнице, а с той стороны каждая пуля шла в

цель. Жаль ребят, хоть и незнакомые все были.

Нет, не прост нарком, совсем не прост, не перестает удивлять, хотя куда уж дальше? Вооруженных людей голыми руками убивать может, а сейчас несколько кварталов по центру города пройти боится. Что, если вообще не нарком и не совсем человек, а оборотень какой-то? Эта мысль, пришедшая в голову, удивила Буданцева так же, как и все предыдущие. А ведь, казалось бы, хватит уже удивляться с того момента, как вороны полетели перед окнами кабинета на Петровке и зазвенел телефон.

Табельного оружия у Буданцева давно не было, его отобрали при аресте. Тот «наган», что вручил Лихарев, отнял помощник наркома. Очень неприятный на вид старший лейтенант царского флота. Его бы тоже «прояснить» надо. Правда, потом вернул. И сейчас в нише обувной тумбочки лежит револьвер, куда положил его Буданцев, войдя в квартиру. Отдавать его Шестакову не стоит, Валентин вполне может потребовать свое оружие обратно.

А вот случайно найденный «веблей»... А случайно ли? Стоит отдельно подумать. Сыскарь постепенно и спокойно склонялся к мистике, сам этого до конца не сознавая. Могло бы ему неделю назад прийти подобное в голову? А ведь самое смешное, что могло. Не так ли он рассуждал еще до «наркомовского дела»? Когда занимался загадочной смертью актрисы. Будь то обычное ограбление с убийством по ходу дела – и говорить бы не о чем, оперов таким не удивишь.

Мало ли в Москве на вокзалах и в переулках за рубликовые колечки режут. Да как!

А там ведь на привычную уголовщину наложились сразу несколько даже по отдельности необычных фактов. Был у нее первый муж, знаменитейший поэт, якобы покончивший с собой, но при весьма странных обстоятельствах. Сколько лет прошло, а слухи не стихают. Второй появился – театральный режиссер, тоже фигура мировой, можно сказать, величины. Гибель его не менее загадочна, хотя и в ином роде. Огромные деньги, в которых убитая буквально купалась, тратила без счета, а иногда и смысла, на что «компетентные органы» словно бы закрывали глаза, при том, что простому человеку вроде вот него, Буданцева, лишнюю сотню страшно из кармана достать. Совершенно непонятная позиция ГУГБ, вроде бы и торопившего МУР, но на деле всячески тормозившего расследование. Исчезновение «с концами» наиболее важных «свидетелей» из того же ведомства...

Буданцев помнил, что несколько раз, особенно по ночам, возникало у него ощущение явной чертовщины, прямо-таки клубящейся вокруг. Он ведь обрадовался поначалу, когда получил приказ сдать дело и заняться розыском Шестакова. А попал из огня в полымя.

Чистый Гоголь! Завертелась, заплясала вокруг нечисть и нежить. Стоило мертвую панночку-актрису в морге увидеть, и не было у него больше ни одного спокойного дня. Не в обычном смысле «спокойного», понятно, в каком... И в до-

вершение – клад!

Буданцев потряс головой. Черт знает что лезет. Вот стоит напротив товарищ, с абсолютно понятной просьбой. Ночь, в Москве ночью страшно, оружия у него нет, а у меня есть. Причем – чужое. Отдам, конечно, а «пальчики» вытрем. Мокрой тряпочкой. Что касается номера, то вряд ли он когда-нибудь где-то в СССР регистрировался, и в любом случае – не на последнего владельца.

– Ого! – сказал Шестаков, приняв из рук Буданцева тяжеленный и удивительно неэлегантно сделанный пистолет. А казалось бы, англичане! То ли дело «борхарт-люгер 08» или даже «браунинг» любой модели.

Магазин на семь патронов (где моя любимая «беретта» или нормальный «стечкин»?), зато калибр очень хороший, попадешь – «уноси готовенького».

– Где ж вы такой взяли? Наверняка по случаю. Специально – вряд ли.

– Именно. Подвернулся. Но вы там поосторожнее, Григорий Петрович, – опять ощутив дуновение опасности, сказал сыщик.

– А то? – ответил Шульгин. – Вы меня неосторожным часто видели? – демонстративно проверил магазин, загнал патрон в патронник, сунул пистолет в карман.

– Не пришлось, – согласился сыщик. – И все же... Может, такси вызовете?

– Разберусь как-нибудь. А пистолет верну, не бойтесь, по-

нимаю – антикварная вещь. Да еще скоро «астру» в подарочном исполнении презентую, у меня их несколько штук в кабинете. Как республиканская делегация приезжает – непременно «астры» преподносят. Они у них неплохо получают-ся...

Шульгин не спеша двинулся заснеженными бульварами в сторону Пушкинской площади. Хорошо здесь и сейчас. Ему, знатоку и любителю старой Москвы, необыкновенно приятно было видеть в целости и сохранности то, что осталось в памяти с самых ранних лет и исчезало прямо на глазах в ходе начавшейся в середине шестидесятых очередной масштабной реконструкции центра со сносом целых кварталов и даже районов вроде Зарядья.

Вышел к Трубной и вдруг вспомнил про Овчарова. Нехорошо получилось. Пусть не он обещал дипломату немедленно дать о себе знать, когда все кончится, а Шестаков, но он ведь теперь за него отвечает. И пригодиться товарищ может еще не раз, пусть и с другой теперь уже целью. А там кто его знает... Оправдания у него, разумеется, были. Прощаясь с Виктором, он понятия не имел, как все дальше повернется. А тут сразу – бой в наркомате, встреча с Лихаревым, с Заковским, потом Сталиным, возвращение собственной памяти. Немудрено и забыть «не свое».

Придется исправлять.

Из ближайшего автомата набрал рабочий номер в НКВД. Овчаров ответил после второго гудка. Будто ждал – этого

именно звонка или вообще любого. Можно понять, нервы у него, конечно, заиграли, когда проспался да на ясную голову сообразил, в какие дела влез. Хотя согласие дал в здравой памяти, это уже потом...

– Здравствуйте, это товарищ Овчаров? – спросил Шульгин ровным, *канцелярским* голосом.

– Да, я слушаю, говорите.

– Это вас из наркомата, по поручению товарища Шестакова беспокоят, заведомо Тропин. Вы нашему наркому обещали консультацию по известному вопросу...

Секундной заминки в голосе Виктора было достаточно, чтобы понять – он узнал говорящего и теперь соображает, что и как следует ответить.

– Да, был как-то разговор. Но он, помнится, сам обещал перезвонить...

– Извините, так получилось. Но если вы располагаете временем, через десять минут машина будет у подъезда. Спуститесь, пожалуйста. Туда же, где прошлый раз. Много времени мы у вас не отнимем, часа два, не больше...

Опять пауза. Но не слишком продолжительная. А голос все-таки подсел. Понятно, как не понять. Виктор сейчас лихорадочно соображает – не уловка ли это чекистов? Спустишься к дверям, выходящим на площадь Воровского, а там – они. И машины никакой не надо, просто через улицу перейти...

Прости, Витя, придется тебе понервничать. А куда девать-

ся? Но Шульгин надеялся, что говорил правильно, Овчаров должен был понять – друг на свободе. И он же обещал: не упомянет об их встрече ни в каком варианте. Сами контрразведчики подобной связи придумать не смогут, на допросе не спросят, а самому лишнего фигуранта в дело добавлять – не такой Шестаков дурак. Ему и своего выше крыши хватит.

Срезая путь, Шульгин пошел проходными дворами, которых тогда в Москве хватало. Да почти каждый в центре города был таким, если знать, как идти. Подловили его в довольно безопасном, по тем временам, месте. В проходе между древними двухэтажными жилыми домами и лабазами с Большого Кисельного на Варсонофьевский переулок. Воровских малин здесь отроду не водилось, те все больше группировались между Сухаревской площадью и Мясницкой или уже в Марьиной Роще. Ресторанов и даже пивных, возле которых «портяночники» могли подстерегать клиентов, чтобы снять поношенное пальто или клифт, поблизости тоже не было. Обычайшее место, совершенно ничем не примечательное.

Английский пистолет в кармане он сжимал и ощупывал пальцами больше по привычке, чем от необходимости. Досталось незнакомое оружие, и хочется как-то его *освоить*, то есть сделать своим по духу. Чтобы не килограмм железа, а часть тебя самого продолжала руку.

Странное шевеление волос на затылке, а скорее – подо-

бие щекотки внутри черепа оповестило, что ровно через секунду в него выстрелят. Не пятно лазерного прицела коснулось спины, а самая обычная незримая линия: глаз – прорезь – мушка – цель, выровнявшись, вызвала такую острую реакцию. Еще бы несколько квантов времени, Шульгин сверхчувственно смог бы определить тип готового выстрелить оружия, а то и внешность того, кто, затаив дыхание, выбирал последний миллиметр спуска. Только их у него не было. Пришлось просто упасть, разворачиваясь лицом в нужную сторону.

Нечто быстрое и убойное проныло в полуметре над лицом одновременно с очень громким, объемным грохотом. Выдернув из кармана «веблей», он одновременно успел увидеть вспышку, воспроизвел в уме траекторию и прямо в ее исходную точку вложил целых три тяжелых пули.

Безусловно, попал. Не мог не попасть, потому что его выстрелы подчинялись законам дзен-буддизма. «Стрела и цель сами знают, где им должно встретиться».

Сначала он услышал вскрик, похоже, предсмертный. Уж такие мы умеем отличать от иных, когда пуля попадает в плечо или в ногу. Потом с той стороны снова ударил обрез, звук ни с чем не спутаешь, да и сноп пламени характерный. Стреляли теперь в направлении его дульных вспышек. И еще раз, и еще. Быстро научился мужик ворочать затвор.

Пули завывали так, что ясно было – подпиленные. Не иначе на медведя собирались. Мимо, разумеется, раз услышал.

А сам снова попал, двумя следующими выстрелами. Это всегда чувствуешь.

Полежал немножко, медленно начал отползать до ближайшего укрытия, по-прежнему на спине, держа перед собой пистолет, в котором оставалось всего два патрона. Никто на той стороне не шевелился.

Значит, опять выскочил «из объятий смерти», как любили выражаться в XIX веке.

Возвращаться и смотреть, кто тут взялся роль Ли Харви Освальда²² разыгрывать, он не стал. Смысла никакого, а навраться можно. Вон, уже начали перекличку милицейские и дворничьи свистки. Еще раз попадаться в руки органов «по мокрому», как недавно в Кольчугине, ему совершенно не улыбалось. Многовато для номенклатурного товарища, тут и товарищ Сталин из себя выйдет. Не нарком, подумает, а прямо Зорро какой-то.

Одно непонятно. Если это по недосмотру не выведенные из предыдущей операции чекисты Ежова – так методика не та. Стрелять ночью на два десятка метров из обрезка трехлинейки – более чем глупо. Так не делали не только специалисты, вообще никто, соображающий в огнестрельном деле чуть больше питекантропа. Разве что зверовидные «кулаки» с плакатов периода коллективизации, убивавшие сельских активистов непременно из обрезов. Нормальный убий-

²² Л. Х. Освальд – человек, застреливший президента Д. Ф. Кеннеди из винтовки в г. Даллас (Техас), в 1963 г.

да воспользовался бы пистолетом, исходя из места и времени – удобнее всего в упор. Или вон в той, маячащей впереди подворотне броситься с трех сторон, навалиться, ткнуть финкой под ребра. А тут какой-то Даллас для даунов!

Самое простое и при этом убедительное объяснение – засада была не на него. Кто, на самом деле, мог догадаться, что именно в это время нарком вздумает выйти от Буданцева, вспомнит об Овчарове и договорится о встрече, да еще и направится на randevu непредсказуемым маршрутом?

О времени выхода мог кому-то сообщить сам сыщик по телефону, так логично было бы встретить и «завалить» Шестакова в том же дворе или поблизости. Стоп, это уже ближе. У ворот встретили, повели, в подходящем месте решили кончать. По-дилетантски, но с хорошими шансами на успех. Инструмент специально выбрали, к официальным инстанциям отношения не имеющий... Но все равно неудобный.

Лихарев бы так мог сработать, только как раз ему это сейчас совершенно невыгодно. Загадки, загадки, тайны мадридского двора.

«Мне кажется, что я магнит, и я притягиваю пули...» – писал один из поэтов фронтового поколения.

Увидел на углу очередной автомат и, повинувшись только что возникшей идее, позвонил Буданцеву. Коротко изложил суть происшедшего. Иван Афанасьевич только присвистнул, обошелся без никчемного: «А я что говорил?»

– Так вы б, может, вышли, так, прогуляться, мельком

взглянуть, что и как? Вас, если что, постовые не задержат... – полувопросительно предложил Сашка.

Судя по тону, делать этого Буданцеву категорически не хотелось. Однако он ответил коротко:

– Сейчас выйду. Оно и вправду интересно. Потом перезвоните.

На Неглинной Шульгин остановил первое попавшееся такси, снова «ЗИС-101», тогда их в Москве было больше, чем вероятных пассажиров. Вот бы цирк получился, если бы опять за рулем сидел Слесарев. Но тот в ближайшее время на трассу не выйдет, его долго милиция с чекистами муржить будет. И поделом, нечего приличных людей сдавать.

Велел ехать на Кузнецкий. На удивленный взгляд водителя ответил, что это только начало и они еще покатаются по городу.

Как Сашка и ожидал, таксист, мужик постарше Слесарева, годам к пятидесяти, немедленно начал рассказывать о той самой истории. Случай и вправду неординарный. Солидный пассажир, выдававший себя за писателя, оказался крутым уркой, избил водителя, отнял все деньги, и казенные и свои, выбросил в глухом переулке, а машину угнал. Только утром нашли разбитую...

Хитер Серега! Сам, что ли, рожу себе раскровянил, для убедительности, а деньги зажал. И, похоже, на свободе, раз информация, довольно близкая к подлинной, по всем пар-

кам разошлась.

– Да, бывает, совсем бандиты обнаглели, пора бы органам за них всерьез браться, а то уже и на улицу страшно выйти, – сочувственно сказал Шульгин. – Ну, я не писатель, меня можете не опасаться...

Таксист оценил шутку, подкрепленную дорогой папирой пассажира.

– Вот здесь остановите, сейчас человека подберем и дальше поедem.

Тут и Овчаров появился, в прежнем своем пижонском пальто и в шляпе, невзирая на погоду. В руке портфель. «Тревожный чемоданчик», что ли, на случай ареста или внезапной командировки?

У Шестакова и самого был такой же: две смены теплого белья, несколько пар носков, мыло, полотенце и тому подобное, сухой паек на три дня, курева на неделю. Часто бывало, что поступала команда – через час вылетать самолетом в Норильск или Свердловск, срочно, сверхсрочно, домой забежать некогда. Ну и для тюрьмы тоже все предметы нужные, кроме бритвы, разрешенные. Коньяк тоже отберут, разумеется, и письменные принадлежности, а остальное – нет. Все же лучше себя будешь чувствовать в камере, чем те бедняги, которых брали на улице летом в тенниске и сандалетах, а потом на зимний этап в том же самом отправляли.

Да что опять в голову лезет всякая глупость? На самом деле все совсем хорошо, вырвались из тисков обстоятельств,

сами можем свои судьбы решать. Про недавнее покушение он почти забыл. Мало ли в него стреляли? Нервничать – бессмысленно, размышлять по сути – не хватает данных.

Шульгин щелкнул дверцей. Вышел прямо в косой сугроб сухого жесткого снега у бордюра. Дворники сгрести не успели, а машин, чтобы колесами разнести, здесь столько не бывает.

И тут же вспомнилась картинка, когда по обеим сторонам Дзержинки и вниз по Кузнецкому автомобили стояли впритык, едва-едва троллейбусам проехать. Так это – в восемьдесят четвертом, не видел Сашка той же улицы двадцать лет спустя. По сравнению с Дюма изменения еще более разительные. Да, впрочем, видел, только не этот Сашка.

– Витя, ты не меня ждешь?

Пришлось сделать некоторое внутреннее усилие, чтобы идентифицировать свои мысли и ощущения с шестаковскими. Но – получилось. И не очень трудно. Сашка вообще считал, что для нормального матричного совмещения какие-то мозговые структуры должны совпадать изначально. Иначе ничего не выйдет. Как движок от «КамАЗа» не поставишь на «Волгу», а прицел от гаубицы «М-38» – на ручной пулемет.

Тогда, значит, и Андрюха Новиков вполне совместим со Сталиным? «А что, если да?», как говорят в Одессе. Чем плохо, в конце концов? Дело же не в структуре личности, а в том, как ты ее используешь.

Старый клоун в цирке на Цветном, с которым молодому

Сашке приходилось (и нравилось) общаться по ночам после представлений, не раз твердил, допив свой обязательный граненый стакан: «Саша, мы с нашими способностями могли бы зарабатывать карманными кражами в сто раз больше, чем нам платят здесь. Но мы же этого не делаем?»

Шульгин соглашался, что именно так. Не добавляя, что в отличие от старика гораздо больше мог бы заработать и разбоем. Мгновенным и нераскрываемым.

– Жду! Ох, как я тебя жду! Морду прямо сейчас можно бить или подождем до более подходящего места?

– Если хочешь – давай прямо сейчас. Виноват. Однако садись в машину, там и разберемся...

Они сели на заднее сиденье, Шульгин велел таксисту поднять разделяющую салон и водительский отсек стеклянную перегородку из звуконепроницаемого стекла и ехать через центр, по Большой Ордынке до Добрынинской площади, а с нее – направо.

– Вот так, Витя, у меня получилось, – и рассказал ему практически все, от прощания на Павелецком до текущего момента. С точки зрения Шестакова – ничего не искажая. Про Лихарева, Заковского, самого Сталина.

– Не-ет, ну ты даешь, – протянул Овчаров, и Шульгин немедленно протянул ему стальную, обтянутую замшей фляжку коньяку. Нашел в буфете у Валентина и положил в карман на всякий случай.

– Что нам, Витя, делать? Так сложилось. Я честно соби-

рался взять у себя в сейфе чековые книжки, завезти тебе. Поймали б меня ежовские соколы – тогда, конечно, все. Мне конец, и деньги б ушли неведомо куда. Не вышло у них. Теперь я, похоже, на коне. О тебе я думал, не сомневайся. Если по-прежнему на заграничную работу настроен – поезжай, конечно. Думаю, теперь нравы у нас значительно смягчатся, вашего брата опять зауважают, перестанут дергать... Вздумаешь дальше в серьезные игры поиграть, могу тебе предложить как минимум должность начальника управления по международным связям в моем наркомате. В Мадрид, в Париж, да и в другие интересные места будешь ездить невозбранно. Ну и нашивочек добавим, что там у вас следующее по тарифной сетке – посланник, что ли?

– Посланник, – машинально ответил Овчаров, – но это уж больно высоко, за пределами твоей компетенции. Считай, не меньше чем комкор в армии. Да чего ты мне всякой ерундой голову забиваешь? Я еще от прежнего в себя не пришел. Только вообрази, что я за это время передумал, от каждого скрипа половицы вздрагивал...

– Чего тут воображать, сам такой был, с раскаянием принес все возможные извинения. Что еще от меня требуется? Скажи лучше, Татьяна твоя не вернулась?

– Нет, она на весь отпуск уехала. Бродит сейчас, наверное, по Эрмитажу, а вечерами – театры...

– Вот и ладненько. Тогда давай тоже куда-нибудь закатимся. Хочешь – в «Националь»?

– В «Националь» – не надо, в «Метрополь» тоже. Там меня в лицо знают, часто по делам бывать приходится. Найдем попроще, где obsлyга не стучит в штатном режиме.

– Знаешь такие места – командуй, я в этих делах пас.

Овчаров привез Шульгина в небольшой особнячок без вывески неподалеку от ипподрома. С зашторенными окнами и пропускным режимом. Внутри же оказался вполне приличный, только не общедоступный ресторан. Каких всегда было достаточно в современной Шульгину Москве. Домжур, Дом архитекторов, актеров, писательский, само собой, и тому подобное. Зал попроще на первом этаже, побогаче и уютнее – на втором. Сюда пускали не всех даже и из «своих». Но Виктор прошел мимо вахтера свободно, лишь слегка кивнул. Обстановка здесь явственно отдавала стилем перворазрядного тестовского трактира. Мебель, занавеси на окнах, громадная буфетная стойка мореного дуба – все, похоже, так и осталось здесь с прежних времен. Так ведь, подумал Шульгин, чего особенно удивляться, лет-то с тех пор сколько прошло? Всего ничего, можно сказать, с ликвидации НЭПа – десять всего...

Овчаров подтвердил его предположение. На самом деле до конца двадцатых годов здесь помещалось частное заведение, obsлуживавшее в основном завсегдатаев бегов, традиционно обмывавших выигрыши и завывавших горе веревочкой, если не пофартило.

Потом, естественно, частника искоренили, ресторанчик

национализировали, но судьбы сотен и тысяч подобных же «храмов желудка» он избежал. Кто-то из наркоминдельского начальства, тоже, наверное, не чуждый ностальгии, да и более рациональных соображений, чуть ли не сам Чичерин или Карахан, добились передачи «объекта» на баланс своего учреждения с сохранением профиля. Формально – как общепитовской точки при ХОЗУ, вроде столовой повышенной категории для ответработников, фактически же там организовали полусекретный «Дом приемов» для проведения неизбежных в дипломатической работе конфиденциальных завтраков и ужинов, иных корпоративных мероприятий.

– Здесь, по крайней мере, посторонних не бывает, наших общих друзей – в особенности. Свои *службы* есть...

Шульгин про себя подумал, что так уж зарекаться не стоило бы, *те ребята*, если им нужно, куда хочешь влезут. С другой стороны, исходя из обычного соперничества и взаимной ревности сопоставимых по значимости ведомств, вполне допустимо, что на *среднем уровне* НКВД и НКВД в дела друг друга не лезут, все вопросы прорабатываются на самом верху, с согласия или по указаниям лично Хозяина. Иначе и работать невозможно, дипломатия все же дело тонкое, государственное. Лубянцы, дай им волю, такого наворотят... Хотел же Ежов даже дела шестаковского наркомата на себя замкнуть.

– Тебе виднее, – сказал он, присаживаясь за указанный Виктором столик в углу, за раскидистой пальмой в здоро-

венной деревянной кадке. Людей в зале было немного, сидели по двое, по трое, выпивали, закусывали, кому-то Овчаров коротко кивнул, кого-то словно и не заметил. Не было ни рукопожатий, ни возгласов, ни объятий, столь свойственных собраниям людей свободных профессий.

Прямо напрашивалась на стене табличка из конторы «Геркулес»: «Сделал свое дело – и уходи».

– Как-то не слишком весело у вас тут, – не преминул отметить Шульгин, беря в руки папку меню.

– Это точно. Для разгула другие места есть, а здесь ближе к английскому клубу, зато готовят и обслуживают очень недурственно. Цены тоже – ниже, чем в заводской столовой. Карточные...²³

Виктор сделал заказ, руководствуясь собственными сообщениями. Есть Сашке совершенно не хотелось, разве так, слегка, за компанию. Впрочем, он уже успел заметить, что гастрономические возможности наркома куда солиднее, чем у него, тот мог бы достойно участвовать в любом восточном застолье, где плов потребляют казанами и баранов – целиком. Причем эти качества у него прорезались именно после «встречи» с Шульгиным, до этого многолетние стрессы отбивали аппетит.

²³ В советское, особенно довоенное время продукты, распределяемые по карточкам (в пределах нижнего физиологического уровня), стоили в десятки раз меньше, чем в открытой продаже. В спецраспределителях для ответственных работников «карточные» цены сохранялись на все товары вплоть до восьмидесятых годов.

Для частных бесед зал был хорош еще и тем, что обладал уникальной акустикой: ковры, толстые драпировки, многочисленные растения гасили и рассеивали звуки так, что с соседних столиков не доносилось ни одного членораздельного звука, только позвякивание ножей и вилок о фарфор.

– Значит, нет прослушки, говоришь? – выцедив рюмку, повторил Шульгин.

– Где есть – я знаю, здесь – нет. Мы ведь тоже пользуемся, пусть и в других целях. Иногда приходится нетрезвые откровения партнеров по десять раз прокручивать, нюансы всякие интонационные отслеживать, проговорки, а то и намеки, с лету не каждому понятные.

– У всех специфика, – заключил Шульгин, с удовольствием разжевывая крупные фасолины лобию. – Так я, собственно, что? Никаких интересных посторонним секретов и тайн разглашать не собираюсь. Захотелось напряжение сбросить в компании совершенно постороннего от моих служебных дел человека. Другое дело, что есть у нас, бюрократов, суеверие – не стоит даже с собственной женой говорить о *карьерных вероятностях*.

– Это так, – кивнул Овчаров.

– Однако хочется мне этот принцип нарушить. Вот тянет за язык, и все. Есть мнение, что могут мне днями предложить весьма солидное повышение. Причем в форме, вряд ли допускающей самоотвод. В предвидении чего я, даже и невольно, прорабатываю варианты. Сам понимаешь – на но-

вое место без своей команды приходить не очень удобно. Почему я тебе и намекнул. согласишься со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.